

Амур 1945: Узел возвращения

Виктор Алеветдинов

Военная историческая драма фэнтези

18+

Виктор Алеветдинов

Амур 1945: Узел возвращения

«Автор»

2026

Алеветдинов В.

Амур 1945: Узел возвращения / В. Алеветдинов — «Автор»,
2026

В 2025 году Егор Ли приходит на открытие мемориала 88-й отдельной стрелковой интернациональной бригады как обычный потомок героя — с цветами, сомнениями и семейными тайнами, о которых дома предпочитали молчать. Но капля крови на камне пробуждает древнюю Печать Амура, и прошлое распаивает дверь. Егор оказывается в августе 1945-го — в теле своего прадеда, бойца тайной интернациональной группы. Впереди — переправа через Амур, Мёртвая зона и чужая Печать учёта: сила, которая превращает имена в номера, память — в оружие, а голоса друзей — в смертельные ловушки. Чтобы вернуться, Егору придётся не просто выжить. Ему нужно удержать узел между временами, спасти тех, чьи имена высечены на мемориале, и понять: память — это не надпись на камне. Это долг, за который иногда платят собственной жизнью.

Содержание

Пролог	5
Глава 1: Зов прошлого	6
Глава 2: Пробуждение в прошлом	15
Глава 3: Боевой приказ	29
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Амур 1945: Узел возвращения

Пролог

В конце лета Амур тёк плавно и спокойно, но под этим спокойствием чувствовалась настороженность. Вода несла ил, тёмное стекло неба и редкие искры света — не отражение, а память. Здесь всегда знали: река не только разделяла берега. Она держала рубеж, за которым заканчивался привычный мир.

В августе 2025 года у села Вятского, на месте, где когда-то стояли бараки и полевые классы, открыли мемориал. На плитах высекли фамилии и даты, которые долго не называли вслух. 88-я отдельная стрелковая интернациональная бригада. Соединение, о котором десятилетиями говорили шёпотом или не говорили вовсе. Здесь, на дальневосточной окраине войны, в 1942–1945 годах собирали и готовили людей, способных бесследно пройти тайгой, перейти реку и вернуться со сведениями, менявшими планы штабов. Китайцы, корейцы, русские и бойцы амурских народов служили в одном строю. Каждый отвечал за операцию, которой не должно было существовать даже на бумаге.

Их готовили к разведке и диверсиям. Они учились подрывать укрепления, работать с рацией и стрелять без промаха. Их учили выживать там, где выжить почти невозможно. И ещё их учили молчанию — не из страха, а по необходимости. На другой стороне границы стояла Квантунская армия, а за линией леса начиналась Маньчжурия, где любая ошибка могла закончиться смертью или исчезновением без следа.

Но в здешних лесах всегда оставалось то, чего не записывали в уставах. Люди Приамурья называли это духом реки, дыханием земли или чёрным драконом, который спал в глубине и просыпался, когда рубежу угрожали. Война усилила древнюю тревогу. В августе 1945 года возле одной переправы появилась Мёртвая зона: там путались тропы, ломались приборы, исчезали дозоры, а воздух становился густым, как вода. Командиры считали это новым оружием противника. Проводники знали: на чужой земле поставили печать.

Мемориал строили как знак памяти. Но память не оставалась на плитах. Она возвращала незаконченные дела и связывала живых с теми, чьи имена долго скрывали. В день открытия ветер с Амура налетел без грозы и видимой причины. Он прошёл по венкам и высеченным именам и остановился на фамилии, связанной не только с историей, но и с кровью.

В толпе стоял молодой человек, потомок одного из бойцов. Он пришёл на церемонию, а оказался у порога. Когда ладонь коснулась холодного камня, граница стала не линией, а выбором. Вода в реке потемнела, и в глубине шевельнулось древнее внимательное присутствие.

У подножия мемориала проступила капля воды. Она прошла по камню к фамилии Ли и исчезла в вырезанной букве.

Глава 1: Зов прошлого

Гул медных труб врезался в грудь в тот миг, когда Егор двинулся с асфальта на утопанную глину у входной арки. Оркестр стоял полуколышом, и марш разрезал августовский воздух так, что вибрация прошла по зубам. Егор машинально проверил карман — телефон, ключи, пропуск на ленте. Пропуск тянул шею, пот собирался под воротом рубашки. Перед самым турникетом рука задела металлическую скобу ограждения: короткий укол, кожа на указательном пальце разошлась тонкой линией. Кровь выступила.

Он сжал палец, спрятал ладонь в карман и продолжил идти. Справа — автобус с табличкой «Делегация», рядом — люди в одинаковых бейсболках волонтеров, гарнитур, рации. Слева — плотная шеренга школьников в белых рубашках, у каждого в руках гвоздики, лица собранные, учительница шепчет что-то короткое и жесткое. На площадке уже выстроились флаги — российский, китайский, ещё несколько полотнищ, ткань шевелилась от ветра с реки. Ветер приносил влажный запах Амура и холодок, который развеивал жару.

Егор заметил, что ищет глазами место, где можно встать так, чтобы не мешать и при этом не выглядеть чужим. За спинами людей виднелась стела под плотным серым полотном. Рядом — стойки с прожекторами, камера на штативе, люди в костюмах, чьи лица уже заучили выражение торжественной скорби. Впереди — ряд ветеранов: на коленях пледы, на кителях награды, в руках трости, на плечах — тяжесть чужой памяти. Егор смотрел на медали и понимал только порядок металла и ткани: золото, эмаль, ленты. Сами истории оставались где-то за кадром.

— Егор Ли? — к нему подошла женщина с планшетом. На бейдже было написано: «Ирина Воронова. Архивная группа». Она произнесла фамилию без вопроса, проверяя реакцию. — Вы по списку потомков. Пожалуйста, ближе к первому ряду. Вас покажут в кадре, это важно.

«Важно» прозвучало с усилием. Егор кивнул, хотя внутри поднялось раздражение: его присутствие распределили по задачам, как реквизит. Женщина быстро улыбнулась, отвела взгляд и махнула рукой волонтеру. Тот подал Егору бумажный конверт с гвоздиками и лентой.

— Держите, — сказал волонтер. — Лента вниз, цветы — на уровень груди. Когда скажут, подойдете к стеле.

Егор поправил цветы. Кровь в кармане продолжала тепло пульсировать в месте пореза. Он вытер палец о внутренний шов джинсов, на ткани осталась точка. Он спрятал руку.

Площадь перед мемориалом уплотнялась. Слышались обрывки разных языков: русские голоса чиновников, китайская речь переводчика, короткие корейские фразы из группы гостей. Егор различал отдельные слова, цеплялся за интонации. Здесь было много людей, которым память требовалась по работе, по статусу, по паспорту. Его память упиралась в семейный альбом и пару обрывочных рассказов, которые всегда заканчивались фразой «потом как-нибудь объясню».

Музыка смолкла. В микрофоне щёлкнуло, по динамикам прошёл треск. На помост поднялся мужчина в тёмном костюме, плечи квадратные, в руках — папка. Он выдержал паузу так, чтобы все успели замолчать. Ирина напряглась и проверила положение камер.

— Сегодня у села Вятского мы открываем мемориальный комплекс, посвящённый 88-й отдельной стрелковой интернациональной бригаде, — произнёс чиновник выверенным тоном. — Соединению, чья история долгие десятилетия оставалась закрытой. Мы возвращаем имена. Мы возвращаем правду.

Переводчик рядом с иностранной делегацией повторил фразу на китайском, мягче, с другой мелодикой. Егор уловил «имена» и «правду» и подумал о своей фамилии: две буквы в паспорте, два звука, которые в этом месте звучали иначе.

Чиновник говорил о подготовке в тайном лагере, о том, что бойцы разных национальностей тренировались рядом, о разведке, диверсиях, о задачах на границе, о финальных операциях августа сорок пятого. В речи всплыли слова «засекречено», «рассекречено», «вклад», «победа над милитаристской Японией». Егор слушал и отмечал детали, за которые цеплялся мозг: дата, география, термин «интернациональная». Всё остальное стекало мимо, потому что не находило личного отклика.

Рядом раздался долгий кашель. Егор повернулся. В первом ряду, чуть в стороне от остальных, стоял пожилой китаец в форме: китель сидел идеально, хотя плечи уже просели. На планке — награды, под наградами — маленький знак в виде дракона, незаметный. Старик держал руки за спиной, подбородок поднят, взгляд — ровный. Он смотрел не на чиновника. Он смотрел на стелу под полотном, как на дверь, за которой оставили часть жизни.

Егор отвёл глаза и поймал его взгляд — на себе. Взгляд старика задержался дольше, чем требовалось случайной встрече глазами. В груди поднялась тяжесть. Егор вдохнул глубже. Пальцы сами крепче сжали стебли гвоздик. Лента на груди дрогнула от ветра, ударила по подбородку.

Чиновник сменился другим выступающим, потом третьим. Слова шли слоями: про дружбу народов, про связь поколений, про долг памяти. Егор видел, как волонтеры шепчут людям, куда встать, где повернуться, когда хлопать. Видел, как оператор ловит кадр: ветераны, лица детей, флаги на ветру. На секунду Егор поймал собственное отражение в тёмном стекле камеры: высокий, молодой, с букетом цветов в руках, с выражением человека, который пришёл из вежливости и пытается это скрыть.

В одну из пауз мужчина за его плечом произнёс негромко:

— Фамилия у тебя правильная, парень. Держись.

Голос был мужской, местный, с хрипотцой. Егор замешкался — поток людей сдвинулся, организаторы начали подталкивать потомков ближе к ленте перед стелой. Ирина оказалась рядом и аккуратно поправила ему ленту на груди. Движение было деловым, даже заботливым. Егор заметил, что её пальцы задержались у его порезанной руки — она увидела кровь, но промолчала.

— Сейчас будет момент открытия, — прошептала она. — Когда снимут полотно, вы подходите к стеле вместе с остальными. И... — она наклонилась ближе, — ищите свою фамилию заранее. Камера будет на лицах.

Егор кивнул. Слова про камеру задели. Он двинулся вперёд вместе с потоком, остановился у натянутой красной ленты. Полотно на стеле слегка колыхнулось. Ветер с реки усилился. На секунду воздух стал плотнее, и запах воды резанул ноздри резче.

Он вынул руку из кармана, чтобы перехватить цветы удобнее. Порез раскрылся. Капля крови сорвалась с пальца и упала на белую ленту конверта. Красная точка расплылась, пропитала бумагу, добралась до зелёного стебля.

Егор замер, глядя на пятно. В горле пересохло. Он всмотрелся. Старик в форме стоял всё там же, только теперь его взгляд не отпускал. Между ними не было слов, зато была точность выбора: старик смотрел, словно ждал этой капли — и этого человека.

Слева прозвучала команда организатора, короткая, отрывистая. У стелы потянулись руки к полотну.

Егор двинулся вперёд.

Полотно на стеле дрогнуло ещё до команды. Ткань потянули вверх, и ветер подхватил край, хлопнул им по стойке прожектора. В динамиках хрустнул микрофон, ведущий попросил «внимание», и вокруг ленты поднялись телефоны — прямоугольники на вытянутых руках.

Егор сдвинулся на полшага, чтобы не заслонять ветеранов. Ирина оказалась рядом, прижала пальцем его бейдж, выравнивая на груди, и сказала через зубы:

— Поднимите лицо и держите руки на виду. Камера сейчас возьмёт крупный план.

Егор поднял подбородок. Порез на пальце отзывался жаром. Он сжал гвоздики так, что стебли вдавились в ладонь. На конверте выделялась красная точка.

— Дышите спокойнее, — добавила она мягче. — Это про вашего... прадеда тоже.

Фраза прозвучала поручением. Егор собирался спросить, откуда она знает про прадеда, но вокруг уже нарастал шёпот: полотно уходило вверх, под ним открывался тёмный камень, свежая надпись, влажный блеск букв.

— ...имена бойцов, — произнёс со сцены очередной выступающий, и переводчик повторил по-китайски. — ...долгое время находились под грифом секретно. Сегодня они возвращаются в общественную память.

Егор услышал слово «гриф» и вдруг заметил: на кителе старого китайца блеснула маленькая брошь-дракон. Старик стоял чуть в стороне от строя, отдельно от остальных. Секунду назад между ними был воздух и чужие плечи. Теперь старик оказался ближе, на расстоянии вытянутой руки.

Полотно сняли полностью. Стела выросла над людьми — ровная, строгая, с колонками фамилий. Толпа выдохнула. Раздались хлопки, несколько человек перекрестились, мать подняла ребёнка повыше.

Егор почувствовал в горле сухость. Глаза скользнули по верхним строкам, по датам, по инициалам. Он искал привычное сочетание букв, которое видел только в паспорте матери и на старой фотографии в рамке.

Слева повторился короткий точечный шум, не похожий на общий гул церемонии. Егор повернул голову.

Мужчина в серой рубашке стоял ниже стелы, у края прохода. На шее не было ни ленты «потомка», ни бейджа. В одной руке он держал телефон, в другой — тонкую книжицу в чёрной обложке. Большим пальцем быстро листал страницы, затем поднимал телефон и делал снимок.

Он не снимал церемонию. Наводил телефон только на фамилии и переходил от одной строки к другой. В кадр попадали фамилия, инициалы, год, ряд. Мужчина чуть наклонился, выверяя угол. Листал книжицу. Снимал.

Раздражение поднялось. В горле сохранилась сухость, рука с гвоздиками сжалась крепче.

Мужчина сделал ещё два снимка, не поднимая взгляда на лица. Затем двинулся в сторону, резко, перекрыл проход школьнику с гвоздикой. Ребёнок замер, прижал цветы к груди, учительница дёрнула его за плечо. Мужчина не извинился. Он даже не заметил этого.

Егор двинулся к нему. Толпа вокруг шумела тише, чем должна была, голоса выступающих уходили в дальний фон. Оставались шаги и стук сердца.

— Вы откуда? — спросил Егор негромко, без вызова, так, чтобы услышали только они.

Мужчина посмотрел на Егора. Глаза оставались спокойными и без выражения.

— Работа, — ответил он. — Не мешайте.

— Вы снимаете фамилии, — сказал Егор. — По строкам.

— Я снимаю то, что поручили, — мужчина опустил взгляд в книжицу. — Отойдите.

— Поручили кому? — Егор приблизился, стараясь держать голос ниже. — Здесь люди стоят. Здесь имена.

Мужчина закрыл книжицу, убрал её в карман. Телефон не спрятал — держал наготове.

— Тоже потомок? — спросил он и посмотрел на ленту на груди Егора. — Тогда стойте. Вам же сказали.

Слова попали точно. Егор ощутил, как его действительно «поставили». Поднялась злость, плотная, горячая.

— Сказали, — ответил он. — Вы мне не говорили.

Мужчина слегка сместил плечо, закрывая от Егора свою руку с телефоном. За спиной прошептали: «Дайте пройти». В толпе шевельнулась охрана у арки, один из волонтеров поднял рацию, но не подал голос.

— Вы сейчас испортите момент, — произнёс мужчина. — Вам это надо?

— Мне надо понимать, — сказал Егор. — Кто открывает такие списки.

Лицо мужчины не изменилось, только губы сжались плотнее.

— Списки открывают те, кому положено, — ответил он. — Дальше сами живите.

Он отступил, растворился в людях. Егор двинулся за ним, но перед ним внезапно закрылась линия плеч — волонтёры сдвинули потомков ближе к ленте. Волонтёр мягко, но настойчиво взял Егора за локоть и направил обратно к стеле.

Егор повернулся ещё раз. Серой рубашки не было в проходе.

Под ногами что-то хрустнуло. Егор опустил взгляд. У кромки красной ленты лежал обрывок бумаги, мокрый по краям. Бумага прилипла к глине, Егор наклонился, поднял её двумя пальцами.

На обрывке остался один знак — чёрная цифра «8», продавленная сильным нажимом. Край бумаги был вырван из страницы такого же размера, как в книжице мужчины. С обратной стороны тянулась волокнистая нить, завязанная коротким узлом.

Егор сжал обрывок в ладони, спрятал в карман рядом с телефоном. Узел царапнул кожу, по пальцу потянуло теплом пореза.

В этот момент его коснулись за локоть.

Ирина сказала:

— Сейчас. Подходите.

Егор двинулся к камню вместе с другими потомками. Ноги переступали как деревянные. Камень тянул холодом, хотя солнце стояло высоко. Егор перестал слышать часть звуков — марш отступил, слова ведущего ушли в фон, остался собственный вдох и ощущение ленты на шее.

Он быстро нашёл фамилию. «Ли» — коротко, рядом инициалы и год рождения. Под строкой — ещё одно имя, русское, и плечи сами напряглись. Его семейный альбом никогда не показывал эту связку рядом. Значит, связь была, и её прятали даже дома.

Егор задержал взгляд на строке. Фамилия впилась в глаза так, что остальное поле камня стало плоским.

Он вспомнил кухню: шум вентилятора, свет из коридора и руки матери на старом альбоме. Её пальцы лежали на обложке, на одном ногте тянулась узкая трещина. Мать говорила спокойно, тем тоном, которым закрывают дверь.

— Егор, не лезь туда, — сказала она тогда. — Хватит. Ничего ты там не найдёшь.

Он помнил собственную паузу. Помнил, как держал в руках распечатку с фамилией, найденной в архивном списке, и чувствовал, что его ведут. Тогда это раздражало.

— Значит, оставим, — произнёс он. — Пусть так и будет?

Мать выдохнула, дольше, чем обычно.

— Пусть будет, — ответила она. — Хочешь жить спокойно — оставь.

Слово «спокойно» стукнуло по нервам. Егор видел её лицо. Усталость в уголках глаз. Упрямство. Страх, который она прятала в деловых интонациях.

В ту же ночь пришло сообщение от двоюродного старшего брата: «Не трогай. Дед запрещал. В семье за это платят». Никаких объяснений. Только запрет.

Егор тогда усмехнулся. Сейчас усмешка не получилась.

Он стоял у камня и чувствовал, как стыд ложится на плечи. Стыд за упрямство. Стыд за любопытство. Стыд за то, что пришёл сюда случайно, по приглашению «для кадра». За то, что фамилия вдруг стала обязанностью.

Ему вспомнилась ещё одна мелочь, которую он тогда не счёл важной. На нижней полке старого шкафа у матери лежала коробка из-под обуви, перевязанная аптечной марлей. В коробке лежала копия справки без печати. Рядом — уголок карты, две старые пуговицы и полоска материи с узлом. Мать увидела, что он открыл коробку, и не накричала. Молчание

напугало сильнее крика. Она подошла, закрыла крышку и поставила коробку обратно, будто убирала опасную вещь.

— Это не твоё, — сказала она тогда.

— Но фамилия моя, — ответил Егор.

Мать долго смотрела на него. Потом произнесла почти беззвучно: — Фамилия бывает тяжелее человека.

Тогда он решил, что это семейная драматизация, привычная защита от неудобных вопросов. Теперь, у камня, эта фраза вернулась другой стороной. Он понял: дома его не просто отгоняли от старой истории. Его отучали произносить лишнее. Отучали спрашивать там, где вопрос мог стать приглашением. И ещё понял: страх матери был не страхом перед прошлым. Это был страх перед тем, что прошлое умеет отвечать.

Он вдруг увидел всю линию запретов — альбом, закрытый шкаф, сообщение брата, короткие паузы за семейным столом. Никто не запрещал ему узнать фамилию. Его учили бояться момента, когда фамилия потребует ответа.

Горло обожгло так, будто он вдохнул горячий воздух. Это была настоящая боль, а не волнение. Кожа под воротником стала горячей, ладони вспотели. Порез на пальце ожил, пульс пошёл плотными толчками. Егор сглотнул, но сухость не ушла.

Река дала о себе знать. Запах воды вошёл глубже, чем прежде, холодок поднялся по ноздрям. Шум вокруг начал отслаиваться. Остались удары сердца и дыхание. Где-то внизу, под звуками, прошёл глухой низкий гул. Не громко, но так, что мышцы живота напряглись.

Егор опустил взгляд. Камень не обещал ничего, на нём была его фамилия.

Тогда и пришло чувство вины, которое невозможно «объяснить». Вина перед живыми, которые просили молчать. Вина перед мёртвыми, которые молчали и всё равно стояли рядом — буквами на холодной поверхности.

Егор провёл большим пальцем по краю конверта, где расплылась кровь. Красная точка уже пропитала бумагу. Она не исчезала.

Он протянул руку выше. Ладонь дрожала от понимания: семья пыталась закрыть эту дверь много лет. Сегодня она открылась сама.

Палец с порезом дрогнул. Егор приложил ладонь к вырезанным буквам. Кожа коснулась холодной поверхности, и через секунду ударило болью. Короткая вспышка прошла по ладони и поднялась до локтя.

Егор отдернул руку. На коже остался светлый след отпечатком. Пульс в пальцах ускорился. Камень под ладонью был тёплый, хотя воздух вокруг оставался прохладным.

— Тише, — сказал рядом старик по-русски. Слова прозвучали без акцента, с усталой точностью. — Кровь уже увидели.

Егор повернул голову. Взгляд старика зацепил его порезанный палец и пятно на конверте.

— Вы... вы из делегации? — спросил Егор. Голос вышел ниже, чем он ожидал.

Старик выдержал паузу. Он смотрел на стелу, проверяя её прочность.

— Ты пришёл за фотографией, — произнёс он. — Унесёшь другое.

— Я пришёл... — Егор осёкся. В голове не нашлось честной формулировки.

Старик слегка наклонился ближе, так, чтобы их слышали только они, и произнёс коротко:

— Помни о крови дракона.

В этот момент ветер с Амура налетел на площадку. Флаги дёрнуло так, что древки затрещали. Над рекой быстро потянулись облака. Солнце пропало, свет стал плоским, серым. Люди замолчали одновременно. Общий звук оборвался. Даже ребёнок, которого держали на руках, перестал вертеться.

Ладонь горела, боль не проходила. Под кожей шла дрожь, и вместе с ней поднималось странное знание: прикосновение запустило механизм, который не спрашивает согласия.

За спинами послышался шаг — тяжёлый, строевой. Затем второй. Егор обернулся и увидел людей в форме другого кроя: гимнастёрки, ремни, каски, лица обветренные. Они стояли в проходах между рядами, не раздвигая толпу, и при этом им хватало места. Несколько бойцов смотрели прямо на стелу. Один держал на плече винтовку.

Один из чиновников на помосте продолжал говорить, губы двигались, но звук не доходил. Ведущий и переводчик продолжали улыбаться, хотя лица уже застыли.

Егор моргнул. Ветераны в первом ряду сидели неподвижно, их медали не звенели, ткань на кителях не шевелилась. Старик рядом не изменился, только взгляд стал жёстче.

— Смотри на имена, — сказал он. — Не на лица. Лица уведут.

— Кто вы? — Егор выговорил это с усилием. — Почему вы...

Старик указал пальцем на воздух между ними, и камень под стелой отозвался глухой вибрацией. Она прошла по земле, поднялась в ноги и дошла до груди. Егор вдохнул, но воздух проходил с трудом. Грудная клетка сжалась, плечи подались вперёд.

Он взглянул на фамилию прадеда. Буквы дрогнули в глазах. По резьбе пробежал зелёный отблеск и исчез, оставив после себя холод.

Сзади Егора окликнула Ирина. Он повернулся и увидел: она смотрела мимо него, на стелу. Удивления на лице не было, только расчёт.

— Егор, руку уберите, — сказала она громко, для всех. — Вы мешаете кадру.

Егор хотел ответить резко, но слова не вышли. Язык прилип к нёбу. Ветер налетел, на этот раз тише, и вместе с ним ушёл шум толпы. Площадка вокруг стелы потускнела, цвет ушёл, оставив тусклость. Серое небо опустилось ниже. Время сжалось в одну вязкую секунду.

Егор отступил и вдруг упёрся в пустоту. Плечом он должен был задеть одного из людей, но там никого не оказалось. Он повернул голову — и увидел: площадка опустела, но не полностью: стела стояла, лента лежала на земле ровной полосой, прожекторы погасли, флаги висели неподвижно. Дорога к парковке уходила в сумерки, и над ней уже поднимался вечерний туман с реки.

Егор остался один перед камнем с именами. Рука на уровне груди держала гвоздики, пальцы дрожали. Где-то в стороне, за деревьями, прокатился глухой звук воды, в нём слышался низкий рык, который не принадлежал ни человеку, ни мотору.

Егор вдохнул, но грудь сжалась. Пальцы сами потянулись к фамилии прадеда.

На камне, возле букв, темнело свежее пятно — его кровь.

Егор не отрывал взгляда от пятна крови у фамилии. Пятно темнело, словно вбирало свет. Пальцы с гвоздиками свело, мышцы в предплечье напряглись. Ладонь хотела лечь на камень, тело тянуло туда.

Слева, ближе к деревьям, хрустнула ветка. Не громко, но ясно. Егор повернул голову.

На границе тумана стоял старик с осунувшимся лицом и крупными скулами. Тёмная куртка была изношена по швам, на голове — выцветшая кепка. Короткая палка упиралась в землю. Он держался спокойно, будто давно ждал этого момента.

Егор узнал хриплый тембр. Тот самый голос, что прозвучал за плечом среди людей: «Фамилия у тебя правильная, парень. Держись».

— Это вы... — начал Егор.

Старик поднял ладонь, останавливая. Пальцы жили отдельно от тела, двигались точными короткими жестами.

— Не называй сейчас никого, — сказал старик. — Слова цепляют.

Егор стиснул зубы. Злость поднялась резче. Непрошенные советы, запреты, чужие правила. Он двинулся вперёд.

— Где все? — спросил он. — Что происходит?

Старик выдержал паузу. Он смотрел на стелу. Глаза не блуждали, взгляд направлен в одну точку — строку с кровью.

— Слышишь воду? — спросил он.

— Здесь река, — Егор произнёс это жёстче, чем хотел. — Здесь всегда вода.

Старик качнул головой.

— Слышишь там, где воды нет. Внутри. Это она зовёт.

Егор втянул воздух. В горле запекло. Он хотел ответить грубо, оттолкнуть эту речь, вернуть себе контроль. Слова застряли. Контроль ускользал.

— Что вам надо? — выговорил Егор.

Старик сделал два шага ближе, остановился на небольшом расстоянии.

— Держи узел при себе, в кармане или в ладони. Он не даст дороге закрыться.

Егор непроизвольно коснулся кармана, где лежал обрывок с цифрой «8» и ниткой. Узел царапнул порезанный палец и коротко нагрелся.

— За границу платят, — продолжил старик. — Платят тем, что не вернут. Платят тем, что забудут. Выбирай заранее, что отдашь.

Егор сглотнул. Он испугался не за жизнь, а за память и лица близких. За то, что после этого дня останется только белое место, и он даже не поймёт, чего лишился.

— Почему вы со мной разговариваете? — спросил Егор.

Старик посмотрел прямо, без мягкости.

— Потому что ты Речной, — сказал он.

Слова старика тяжело отозвались в груди. Егор хотел возразить, спросить, откуда старик это знает. Язык прилип к нёбу. На секунду показалось, что камень под стелой откликнулся глухой вибрацией, и эта вибрация прошла через подошвы.

Старик развернулся и сделал шаг в туман. Потом ещё один. Тёмная куртка растворилась между деревьями, и вместе с ней ушло ощущение, что рядом есть живой человек.

Егор остался перед стелой один. Пальцы дрожали. Взгляд возвращался к фамилии, к пятну крови, к буквам. Ладонь поднялась на уровень груди.

В низине у реки прокатился глухой звук воды. В груди стало тесно, дыхание сбилось.

Егор стоял и слушал.

Телефон в кармане ожил короткой вибрацией, в пустом сумраке этот слабый толчок прозвучал громче марша. Егор вытащил аппарат на свет — экран светился уверенно, будто сеть работала безупречно. Время в верхней строке стояло «00:00». Дата — «08.08.1945».

Пальцы сжали корпус. Поднялась быстрая, беспомощная злость: неизвестный человек играл с ним и подменял реальность так же легко, как распорядитель менял людей перед камерой. Егор провёл большим пальцем по стеклу, пытаясь вернуть обычный режим. Экран не реагировал, хотя индикатор показывал полный сигнал.

Сзади хрустнула ветка.

Егор резко развернулся, гвоздики стукнули по руке. Дорога к парковке тонула в тумане. Между деревьями шевельнулась тень, и вышла Ирина. Без бейджа и ленты, с убранными волосами. Планшета в руках не было, только тонкая папка и ключи на кольце.

— Не бегайте глазами, — сказала Ирина, сохраняя служебную интонацию. — Здесь лишние движения оставляют следы.

Егор выставил телефон перед собой.

— Это вы сделали? — спросил он. — Дата. Время. Площадка пустая. Где люди?

Женщина подошла ближе на шаг, остановилась на границе личного пространства. Посмотрела на экран, потом на его ладонь.

— Кровь пошла правильно, — произнесла она. — У вас быстро. У некоторых — дольше.

Егор опустил телефон, пальцы ослабли.

— Вы знали... про камень? Про имя?

— Про имя знает любой, кто открывал список, — она усмехнулась одними губами. — Про остальное знают те, кто отвечает за результат.

Егор сделал полшага назад. Под пяткой хлопнула грязь, холодная вода поднялась из земли, на штанине потемнела полоса.

— Какой результат?

— Тот, ради которого вас поставили в первый ряд. — Женщина посмотрела на стелу. — Нужно прикосновение, затем кровь на камне. После этого печать сработает.

Егор хрипло выдохнул. Грудь сжимало сильнее, чем раньше, это сжатие стало привычным, будто ремень затянули на вдохе и забыли ослабить.

— Вы сейчас объясняете, — сказал он. — Вы же сами... говорили, что это про кадр.

Она подняла ладонь, останавливая.

— Слова нужны тем, кто остаётся. Вам — действия. Встать ближе. Коснуться ещё раз. Дольше.

— Зачем?

Женщина помедлила с ответом. Она разглядывала его порезанный палец. В свете экрана кровь выглядела почти чёрной.

— Вам хочется вернуться в полдень, — наконец сказала она. — Вы хотите, чтобы всё осталось обычным мероприятием и закончилось цветами и фотографиями. Это желание вам мешает.

Егор сжал гвоздики до боли. Стебли врезались в кожу.

— Вы ведёте двойную игру, — произнёс он, сдержанно. — Я видел ваше лицо, когда всё... остановилось. Вы не удивились.

Женщина улыбнулась чуть шире.

— Удивляются те, кто работает впервые. — Она наклонилась. — Вы тоже ведёте двойную игру. Снаружи — спокойный потомок на церемонии. Внутри — злость на семью, на молчание, на фамилию. Камень любит злость. Она даёт ток.

Егор двинулся вперёд сам, не заметив, что подчинился её команде. Злость поднялась на неё, на себя и на весь этот спектакль. Он попался.

— Отойдите, — сказал он. — Не подходите.

Она не отступила.

— Вы всё равно вернётесь к имени, — произнесла она тихо. — Вопрос только в том, кто будет рядом в момент перехода.

Слово «перехода» врезалось в виски. Егор повернул голову к стеле. На камне буквы в золоте приковывали взгляд. Только его кровь темнела возле строки прадеда, и от этого пятна тянуло жаром, который противоречил холодному воздуху.

Егор сдвинулся к стеле.

— Руку держите открыто, — сказала женщина ему в спину. — Никаких перчаток, никаких тряпок. Камень берёт только живое.

Егор протянул ладонь. Кожа на месте ожога потянула, будто под ней подсохла тонкая корка. Он приложил ладонь к фамилии. Холод камня прошёл в кости, и вслед за холодом поднялась боль. Не резкая, а плотная, вязкая. Пальцы онемели. Кровь на порезе ожила, побежала по линии отпечатка.

Егор не отдёргнул руку. Он удержал ладонь, заставив себя стоять. В горле скопилась слюна, но сглотнуть не вышло. Грудь сдавило сильнее. Егор понял, что теряет опору.

За спиной женщина произнесла фразу почти ласково:

— Вот. Теперь слушайте.

Егор хотел оглянуться, но шея не послушалась. Звук с реки пришёл низким валом. Туман между деревьями поплыл в сторону мемориала, закрутился у подножия стелы. Воздух стал влажнее. На языке появился металлический привкус.

Совсем рядом, будто за перегородкой, прозвучал другой голос — мужской, короткий, командный. Он шёл не из динамика, а откуда-то сбоку.

— По местам!

Егор услышал вторую команду, на другом языке. Слова были чужие, но смысл лёг в тело: строиться, готовиться, не шуметь. Земля под ногами дрогнула. Стела ответила глухой вибрацией, и эта вибрация поднялась вверх по позвоночнику, ударила в затылок.

Егор наконец вырвал ладонь. На коже остались мокрые следы и тонкие полосы крови. Он повернулся к женщине.

Она стояла ближе, чем должна была. В руках у неё появилась тонкая полоска красной ленты. Та самая лента, которой перекрывали подход к стеле. Она держала ленту так, будто это был не церемониальный атрибут, а инструмент.

— Вы... — Егор попытался заговорить и понял, что голос сорвался. — Кто вы?

Женщина посмотрела прямо в глаза.

— Тот, кто следит за печатью, — произнесла она. — И тот, кто открывает её, когда надо.

Егор сделал движение назад, чтобы увеличить расстояние, но нога провалилась в мягкую землю. Глина поддалась. Под ней оказалась вода. Не лужа — глубина. Холодная, плотная.

Он попытался ухватиться за край стелы, но пальцы скользнули. Гвоздики вырвались из руки и упали, ударились о камень и исчезли в тумане. Егор вдохнул — воздух не вошёл. Грудь сжалась так, что перед глазами вспыхнули белые точки.

— Поздно, — сказала женщина. Слово прозвучало спокойно, даже буднично. — Теперь держитесь за имя.

Егор хотел закричать, но из горла вышел хрип. Туман поднялся до колен, до пояса. Земля под ним исчезла окончательно. Тело ушло вниз.

Падение не было быстрым. Вода сомкнулась вокруг, ударила холодом по лицу, по ушам, по груди. Егор взмахнул руками, пытаясь всплыть, но руки встретили плотное сопротивление. В темноте возник гул, похожий на рёв реки в половодье. Этот гул перешёл в низкий рык, и от рыка Егор дрогнул всем телом.

Он открыл рот, вода вошла внутрь. В горле вспыхнула боль. Он дёрнулся, пытаясь вырваться, и вдруг понял: воды в лёгких нет. Он захлёбывался воздухом, который стал водой, и вода стала воздухом.

В темноте вспыхнуло зелёное. Не свет, а знак. Он стоял перед глазами, будто выжжен на внутренней стороне века. Линии складывались в древний рисунок, и в центре этого рисунка была фамилия прадеда.

Рык стал ближе. В нём прозвучало другое — человеческое, надсадное дыхание, короткая команда, звук металла, удар о камень. Егор дёрнулся сильнее, и темнота начала расходиться.

Глава 2: Пробуждение в прошлом

Рывок за гимнастёрку выбил воздух из груди. Доски под спиной хрустнули, из щели между ними потянуло сыростью и дёгтем. Над головой качнулась низкая балка, и вместе с ней качнулся весь мир: тесный барак, натянутые между стойками верёвки с мокрыми портянками, железные кружки на гвоздях, ряд винтовок у стены.

— Ли, подъём. Спишь по-медвежьи, — голос прозвучал близко, в ухо.

Ладонь ударила в плечо. Больно. Боль была простой и прямой. Егор резко сел, и в голове вспыхнула вчерашняя вспышка — ветер у мемориала, камень под пальцами, резь фамилии, потом чёрная вода, рёв реки, тяжесть в груди. Здесь рёва не было. Здесь был стук сапог по полу, шорох ремней, кашель, короткие слова на чужих языках.

Перед ним сидел смуглый парень с узкими глазами и белыми зубами. На шее у него висел ремешок с кожаным чехлом — внутри угадывался патронный подсумок или маленькая коробка. На рукаве — потёртая красная нашивка. Он улыбался, но взгляд был колючий.

— Ты что, оглох? — парень наклонился ближе. — Вчера тебя вынесло, сегодня в землю врос. Вставай. Петров с утра злой.

Егор провёл ладонью по лицу. Щетина — плотная, короткая, чужая. Пальцы наткнулись на маленький рубчик у подбородка, которого точно не было в его двадцать пятом году. Руки... эти руки были сильнее. На костяшках — темнее кожа, на ладони — мозоль вдоль основания большого пальца. Пахло оружейным маслом, дымом и потом. Пахло так, что хотелось отдёрнуть пальцы от собственного тела.

Слева выругались по-русски, дальше прозвучала отрывистая китайская фраза, а на другом конце барака заговорили по-корейски. Егор без перевода понял отдельные слова, затем и короткие фразы. От этого стало ещё страшнее.

— Ты меня слышишь, Ли? — смуглый ткнул его, теперь мягче, но настойчиво. — Глаза нормальные?

Егор всмотрелся. В углу у печки-буржуйки двое перематывали портянки; один посмотрел на него и отвернулся. У стены подтягивали ремни, застёгивали подсумки, поправляли гимнастёрки. Сукно было одинаковым, лица — разными: русскими, китайскими, корейскими, смешанными. Никто не суетился, всё делали быстро и привычно, будто это утро повторялось уже тысячу раз. Чужая речь доходила до сознания с короткой задержкой: сначала звук, потом смысл, который подсказывала память тела прадеда. Егор понял правило и испугался ещё сильнее.

Егор попытался встать — ноги подчинялись. Нары были деревянные, гладкие от времени, холодные. Он опустил ноги на пол, и под пальцами ног попалась тонкая соломинка. В ней была какая-то мелкая логика лагеря: солома, древесная труха, грязь, которую не выметешь, пока живёшь в строю.

Пальцы ног нашли щель между досками, и тело поднялось резче, чем позволяло дыхание. Память о реке смешалась с запахом оружейного масла, сырой ткани и дыма. На соседних нарах сидел солдат с ремнём на коленях и винтовкой поперёк ног. Глаза были мутными от недосыпа, движения — точными.

— Ли, — произнёс он коротко. Не крикнул, не позвал. Отмерил. — Ремень.

Егор услышал слово и понял: его сейчас проверяют. Плечи сами нашли нужную высоту, подбородок перестал падать вниз. Ладони вспотели и высохли от холодного воздуха. Внутри поднялось волнение, и его пришлось прижать.

Человек с винтовкой поднялся, приблизился и подал ремень. На пряжке — потёртая латунь, на коже — тёмные пятна. Пальцы Егора взяли ремень, и в тот же миг рядом щёлкнул затвор. Металл прозвучал в бараке громко.

— Узел, — сказал тот же голос. — Быстро.

Егор опустил глаза на ремень. В голове вспыхнули привычные городские узлы, бессмысленные здесь. Пальцы дрогнули. Поднялась пустота: «сейчас сорвусь». Горло пересохло, язык приклеился к нёбу.

— Быстро, — повторили. Тише. Ближе.

Руки сделали движение сами. Пряжка легла в ладонь, ремень пошёл в петлю. Пальцы проверили натяжение и отдёргнулись. Егор смотрел на собственные руки и чувствовал их чужую уверенность.

Солдат с винтовкой задержал взгляд на ремне, потом поднял глаза. В этих глазах было ожидание ошибки, и её не случилось. Он моргнул один раз и щёлкнул затвором — как точку в конце строки.

— Стойка, — добавил он.

Егор выпрямился. Ноги сами встали на ширину, которую он не выбирал. Пятки нашли доску, носки чуть разошлись. Плечи опустились, шея стала жёсткой. Тело застыло.

Ким протиснулся сбоку. Он улыбался, но внимательно следил за руками Егора и реакцией бойцов.

— Утро доброе, — бросил Ким громко, на русском, чтобы слышали все. — Вижу, Ли проснулся. А то вчера вода из него выходила дольше, чем слова.

Солдат с винтовкой не ответил. Он держал ствол так, чтобы это видели двое рядом. Проверка шла не только для Егора. Проверка шла для всех.

Дыхание стало короче. Внутри поднялось другое знание: руки умеют делать «как надо». Руки смогут сделать и следующий шаг. В голове вспыхнула мысль, и от неё потянуло холодом по спине: если тело помнит ремень, оно помнит и выстрел.

Ким придвинулся ближе. Для барака он говорил с прежней насмешкой, но перед последними словами сделал предупреждающую паузу:

— Руки у тебя сегодня слушаются. Слова пусть тоже слушаются.

Солдат с винтовкой наклонил голову, будто примерял чужой профиль.

— Вчера говорил много. Сегодня молчи, — сказал он и отступил.

Егор удержал стойку, хотя колени просили согнуться. Сердце билось спокойно, и эта собранность пугала больше, чем дрожь. Паники никто не увидит, пока тело помнит устав. От этой мысли он сильнее сжал зубы.

Ким коснулся локтя Егора — жест почти дружеский, почти заботливый. Пальцы у Кима были тёплые, уверенные.

— Дыши, — произнёс Ким тихо, так, чтобы слышал только Ли. — Глаза держи.

Егор открыл рот, и шёпот сорвался сам, на выдохе:

— Кто ты...

Смуглый наклонил голову, улыбка стала меньше.

— Ким, — ответил он по-русски. — Ким Дэ Сон. Ты же сам вчера со мной спорил, что корейский взвод лучше стреляет, чем китайский. Забыл?

Пауза. Ким смотрел в лицо Егора пристально. В улыбке было прикрытие, в глазах — проверка. Он говорил громко, чтобы слышали рядом, и одновременно тихо, чтобы никто лишний не вплёлся.

— Вчера... — Егор проглотил слово. Горло было сухое, будто он всю ночь дышал пылью. — Голова тяжёлая.

— Голова у всех тяжёлая, — Ким ухмыльнулся и хлопнул себя по виску. — У тебя особенно. Пойдёшь к Вале, она травы даст. Только рот держи на замке.

Ким сказал про травы так, будто речь шла про обычное утро. В бараке это слово отрезало лишнее: не спорь, не спрашивай, не объясняй. Егор кивнул, и Ким развернулся, подталкивая его к выходу из прохода между нарами.

Шаг — и в щели между досками скрипнуло. Егор услышал этот скрип отчётливо. В груди поднялась память о воде, а затем — хлопок снаружи. Один короткий звук. Следом второй. Воздух у двери стал плотнее.

— Лежать! — гаркнули с улицы по-русски.

По команде бойцы одновременно упали на пол, схватили оружие и заняли сектора. Тела пошли вниз, ремни натянулись, железо звякнуло. Егор ещё стоял, когда Ким ударил его ладонью в грудь и толкнул вниз в проход.

Доски холодом отдались в локтях. Перед лицом были сапоги с грязью на подошвах. Егор попытался поднять голову, и боец у двери швырнул ему винтовку. Ложа ударила по ладони, ствол лёг на предплечье. Руки сами приняли оружие.

— Сектор! — крикнули по-китайски, и смысл был понятен без перевода.

Егор подполз к краю дверного проёма. Ким оказался рядом. На улице — утренняя сырость и редкий туман, который держался низко. Между двумя столбами ограждения шевельнулась тень. Не человек целиком. Плечо, рука, кусок ткани.

— Туда, — сказал Ким без голоса. Показал стволом.

Егор навёл винтовку. Глаз уткнулся в мушку. Мир сжался до одной линии: прицел — тень — цель. Внутри появилась мысль: сейчас будет смерть. Она пришла. Егор задержал дыхание, а руки сами выровняли винтовку.

Тень двинулась ещё на полшага. В этот момент хлопнул выстрел с другой стороны лагеря. Тень дёрнулась. Палец надавил на спуск.

Отдача толкнула плечо. Отдача прошла по ключице и ушла вниз, в рёбра. В ушах стало пусто, потом вернулся шум лагеря. Тень за ограждением упала в траву и больше не поднялась.

Егор привстал, удерживая винтовку, и посмотрел туда. Глаза жгло, рот пересох. Он хотел вдохнуть глубже и не смог.

— Живой? — спросил Ким. Тихо. Без улыбки.

Через несколько минут дозорные принесли тело к ограждению. Убитый был одет в гражданскую куртку поверх полевой рубахи. На рукаве не было знаков части, зато в кармане нашли японское удостоверение без фотографии, пачку советских папирос и медную метку с выбитым номером.

Петров присел возле тела. Дежурный подал ему промасленный свёрток, вынутый из-за подкладки. Внутри лежала схема лагеря. На ней были отмечены кухня, оружейная, штабная землянка и проход между дальним постом и болотом. Красный карандаш упирался не в склады. Линия шла к реке, туда, откуда группе предстояло выходить на задание.

— Он искал проход для наблюдения, — сказал дежурный. — Или ждал тех, кто выйдет ночью.

Петров перевернул схему. На обороте стояли три фамилии и время смены караула. Последняя запись была сделана по-русски, без ошибок. Капитан сложил бумагу, убрал в планшет и поднялся.

— Посты сменить. Старый порядок считать раскрытым. Выход группы перенести на час раньше. Об этом — только тем, кто идёт.

Ким посмотрел на Егора. Теперь выстрел перестал быть случайной проверкой тела. Человек у ограждения пришёл за маршрутом, который ещё не объявили всему лагерю. Значит, сведения уходили наружу раньше приказа.

Валя поднесла к уху наушник выключенной рации. Из коробки прошёл один короткий щелчок, затем ещё два с одинаковым промежутком. Она сняла наушник и передала его Петрову. Тот выслушал повтор, не изменившись в лице.

— Такой ритм был ночью со стороны реки, — сказала Валя. — Я решила, что помеха. Петров вернул наушник.

— Теперь не решай одна. Записывай время каждого повтора.

Егор посмотрел на медную метку в руке дежурного. Номер был обычным, но от него тянуло тем же холодом, что от камня у мемориала. Петров заметил это и накрыл метку куском ткани.

— В штаб. Отдельно от документов, — приказал он. — И водой не мочить, пока не проверим.

Егор удержал вопрос. Тревога связала лагерь, реку и будущую операцию одной линией. Враг уже знал, куда смотреть.

Егор кивнул один раз. Слова застряли. Понял только одно: война не укладывается в память и учебники. Война кладёт тяжесть в ладони и заставляет нажимать.

Снаружи пробежали сапоги. Из охранения крикнули: «Чисто», следом выругались по-китайски. Туман стал обычным. К упавшему уже бежали бойцы, Егору оставалось держать сектор.

Ким наклонился, будто поправлял ремень на винтовке. На самом деле он закрыл Егора плечом от чужих глаз.

— Руки у тебя... — Ким замолчал на полслова. — Потом.

Егор почувствовал дрожь в пальцах. Дрогнул ствол. Он заставил руки удерживать винтовку. Тело умело. Сознание догоняло с опозданием.

Ему показалось, что в бараке стало холоднее, хотя дверь всё ещё была распахнута настежь и с улицы тянуло утренней сыростью. Винтовка лежала в руках правильно: приклад упирался туда, куда должен был, палец уже отошёл от спуска, ствол не водило. Всё было сделано верно. Именно это и пугало сильнее всего. Ошибку можно было бы списать на страх. Правильность списать было некуда.

На улице двое бойцов перевернули тело в траве. Егор не видел лица, только услышал, как мокрая ткань легла на землю. В этом звуке не было героизма и ясной формулы «враг уничтожен». Человек, который секунду назад двигался, стал тяжестью для чужих рук. Желудок поднялся к горлу, Егор сжал зубы до боли в скулах.

Ким будто почувствовал это. Он не стал утешать и не сказал привычного «ничего». Вместо этого подвинулся ближе, закрывая Егора плечом от прохода, где уже собирались чужие взгляды.

— Не смотри туда долго, — произнёс он одними губами. — Долго смотришь — потом рука помнит не то.

Егор хотел спросить, что именно рука может помнить неправильно, но понял ответ прежде, чем нашёл слова. Рука могла начать дрожать в нужный момент. Или, наоборот, перестать дрожать навсегда. Оба варианта казались одинаково страшными.

Он посмотрел на ладонь. На коже не было крови, только след от дерева и тонкая чёрная полоса пороховой гари у большого пальца. Полоса выглядела мелочью. Её можно было стереть о гимнастёрку. Но внутри уже появилась другая метка — не на коже, а глубже. Первое боевое действие не оставляло мысли. Оно оставляло порядок: прицел, дыхание, нажим, падение. И теперь этот порядок жил в нём рядом с фамилией на камне.

— Пойдём, — сказал Ким громче, уже для всех. — Валя его осмотрит, а то Ли сейчас в пол вращёт.

Шутка прозвучала вовремя. Из прохода хмыкнули, и напряжение вокруг ослабло. Егор понял: Ким спас его не от смерти, а от внимания. В лагере это тоже считалось спасением.

Ким повёл не к выходу из барака, а в дальний угол, туда, где воздух теплее от печки. На табурете стоял ящик связи, провода были аккуратно смотаны. Рядом — медицинская сумка,

затёртая, с пришитыми кармашками. Девушка у ящика сначала не подняла головы. Её пальцы работали над ручкой настройки, и только потом она сняла один наушник, будто отметила чужое присутствие по тени.

— Валя, — сказал Ким громко. — Дай Ли травы. Вчера ему вода в голове пела.

Девушка подняла глаза. Взгляд прошёл по лицу Егора и остановился дольше, чем позволяла привычка лагеря. Потом ушёл вниз, на его руки. На ремень. На ворот.

— Сядь, — сказала она. Голос мягкий, с железной основой. — Быстро. Потом пойдёшь в строй.

Егор присел на край нар. Спина сама нашла прямую линию, но внутри всё ещё качало после выстрела. Ладони пахли порохом, хотя вокруг был только запах дыма из печки и мокрой ткани.

Валя раскрыла сумку, достала маленький мешочек. Ткань была сухой. Она высыпала на ладонь горсть крошки: листья, тёмные кусочки корня, пыльца. Пахло горько и пряно.

— На язык, — сказала она. — Держи. Глотать позже.

Егор положил горечь на язык. Слюна наполнила рот, горло сжалось. Он удержал, хотя лицо дёрнуло. Валя отметила это одним движением ресниц. Никаких лишних слов.

— Дыши, — произнесла она тише.

Егор вдохнул. Горечь разлилась по нёбу и ударила в виски. Внутри стало яснее, но вместе с ясностью поднялось то, что он прятал с утра: страх и злость на собственное тело.

Валя потянулась к его вороту. Не резко. Пальцы остановились в двух сантиметрах, будто спрашивали разрешение. Егор не кивнул, но и не отдёрнулся. Валя всё равно сделала своё: приподняла ткань и увидела тонкую нить.

— Это не игрушка, — сказала она спокойно.

Медальон под тканью потеплел. Металл давил на кожу. Хотелось схватить его ладонью и закрыть. Руки не пошли.

— Это... — начал Егор и замолчал.

Валя не ждала продолжения. Её пальцы нашли на его шее след — маленькую грубую полосу, как старый ожог. Она провела по краю осторожно, но так, что под кожей поднялась дрожь.

— Свежий, — сказала она. — Он держит.

Егор всмотрелся. Валя смотрела не на ожог и не на нитку. Она смотрела на рацию.

— Тут много ушей, — сказала она. — Уши любят чужие интонации. Любят лишние паузы. Любят, когда человек оправдывается.

Ким тогда громко засмеялся у печки, споря с другим человеком про корейский взвод. Смех был щитом. Валя воспользовалась этим щитом и сказала то, что хотела сказать Егору:

— Молчание тоже служба.

Протест поднялся. Он собирался спросить: служба чему, кому, зачем. Слова упёрлись в горечь на языке. Горечь оказалась полезной: она удержала речь.

Валя закрыла сумку, но руку не убрала. Пальцы легли на край его ремня и подтянули пряжку так, чтобы ремень сидел плотнее. В этом движении сочетались забота и приказ.

— Ты сегодня сделал лишнее, — сказала она.

Егор моргнул. Внутри вспыхнуло изображение травы у ограждения и тени, которая упала. Он не сказал ни слова. Челюсть свело, и он почувствовал вкус железа во рту.

Валя вернулась к нему взглядом. Она долго смотрела на него, ожидая ответа.

— Дальше держи себя, — добавила она. — Держи так, чтобы рядом выжили.

Эта фраза пришлась по месту, где у него ещё оставалась гордость. Егор кивнул. В горле поднялся сухой ком, и он проглотил его вместе с горечью.

Валя вернула наушник на ухо и наклонилась к ящику связи, будто разговор закончился сам собой. На самом деле она поставила точку.

Ким прошёл мимо и задел Егора плечом. Шутливо. Легко. В глазах у него шёл расчёт.
— Валя умная, — бросил Ким по-русски. — Её слушают. Ты слушай тоже.

Егор поднялся. Тело выпрямилось. Внутри осталась горечь и новая рамка: молчание действительно может спасать. И это «спасать» прозвучало страшнее, чем «стрелять».

И только теперь слова Кима дошли до места, где болит:

«Рот держи» прозвучало как предупреждение, и Егор неожиданно почувствовал благодарность.

В памяти вспыхнула плита мемориала и собственная ладонь на фамилии. Нельзя. Здесь нельзя выдать ничего. Нужен голос, который не выдаст дрожь.

— Подъём общий? — спросил он.

Ким кивнул, и в его движении мелькнуло облегчение: Егор задавал «правильные» вопросы.

— На плацу через четверть часа. Лю Чэн сказал, будет приказ. — Ким проговорил имя командира громче: стоявшие рядом должны были услышать привычное и не заметить ничего странного. — Ты быстрее. Петров с утра счёт любит. Пропустишь — будет разговор.

Егор натянул гимнастёрку на плечи, провёл пальцами по пуговицам. Пуговицы были настоящие, металлические, холодные. На грудь лёг ремень. Он ощутил на шее тонкую нить, будто там висело что-то маленькое, спрятанное под тканью. Егор машинально сунул пальцы за ворот, нащупал узелок и остановился. Не сейчас. Любое лишнее движение заметят.

Ким подался ближе и почти дружески подтолкнул Егора в спину.

— Дышишь, — произнёс он, и это прозвучало странно серьёзно. — Значит, живой. Вчера тебя тащили двое, ты брыкался. Орал по-китайски. Петров сказал: «Контузия». Лю промолчал. Я тоже промолчал.

Егор застыл, не поворачиваясь.

— Орал что?

— Слова, которые тут лучше не повторять, — Ким убрал улыбку. — Про воду. Про реку. Про... — он не договорил, вместо этого сунул в руки Егора алюминиевую кружку. В кружке была вода, тёплая, с привкусом железа. — Пей. И держись прямо.

Егор сделал глоток. Вода стекла по горлу, и в груди чуть отпустило. Пальцы на кружке дрогнули и сжались сильнее.

— Где зеркало? — спросил он, и сам услышал в голосе ноту чужой уверенности. Это была не его нота, но она подходила форме.

Ким мотнул подбородком на стену у входа. Там, между списком нарядов и пожелтевшим клочком бумаги с карандашными пометками, висело маленькое зеркальце в жестяной рамке. Рама была замята в углу, стекло мутное, с сетью царапин.

Егор подошёл. По дороге ударился плечом о стойку — теснота барака не оставляла пространства для привычных движений. Он почувствовал, как тело реагирует без размышлений: плечо ушло назад, шаг стал короче, спина выпрямилась. Тело знало строй.

В зеркале появилось лицо. Узнаваемое до боли, и всё равно не то.

Скулы резче. Кожа темнее, загар не отпускной, жёсткий, выжженный солнцем и ветром. Волосы коротко острижены. Взгляд — прямой, без городской мягкости. Под левым глазом — тонкая полоска, едва заметная, как след старого ожога или пореза. Егор протянул руку, коснулся этого места. Пальцы нашли неровность.

За спиной засмеялись. Из дальнего угла бросили по-китайски колкую фразу, и ответ прилетел следом, грубее. Егор услышал смысл и почувствовал, как внутри шевельнулось раздражение, почти привычное для этого места. Он не хотел этого раздражения. Оно пришло само.

Ким, стоя рядом, тоже глянул в зеркало — на Егора, не на себя. И улыбнулся.

— Вот. Узнал себя? — спросил он легко. — Красивый. Девки бы ахнули, если бы тут водились.

— Хватит, — Егор отрезал, и в тот же миг понял, что сказал резко.

Ким поднял ладони, будто сдаваясь, и сместился в сторону, закрывая Егора от чужих глаз. Жест был точным и опытным.

— Понял. — Ким проговорил тише. — Слушай. Лю тебя ждёт. Он добрый, когда хочет. Петров добрый редко. Ты ему сегодня не нужен странный.

«Не нужен странный». Ким продолжал вести двойную игру: для барака он был весельчаком, для Егора — сторожем и проводником. Егор не знал, почему Ким это делает. Дружба? Приказ? Страх?

Издали донёсся свисток. Одновременно за стеной коротко гаркнули по-русски: «Построение через пятнадцать минут!» В бараке мгновенно стало плотнее: люди двигались быстрее, ремни затягивались туже, штыки цеплялись к поясам, сапоги скрипели по мокрой доске.

Егор ещё раз посмотрел в зеркало. Внутри всё требовало сказать вслух: «Это невозможно». Слова не вышли. Вышло другое: дыхание, ровное, короткое. Ладонь легла на край рамы, и металл обжёг пальцы холодом.

В этот момент дверь барака дёрнулась. В проёме появилась фигура в офицерской форме. Тень от фуражки легла на лицо, и взгляд под этой тенью не обещал сочувствия.

Дверь распахнулась шире, в барак ворвался холодный утренний воздух и запах мокрой травы. Голос у входа повторил приказ коротко, без интонаций:

— Ли. К командиру. Быстро.

Ким едва отступил в сторону, словно заранее освобождая пространство. Его улыбка осталась на месте, а глаза стали узкими и серьёзными. За спиной продолжали застёгивать подсумки, боец стучал прикладом о пол, проверяя замок.

Егор оторвал руку от рамы и двинулся вперёд. В груди поднялась тяжесть — не от страха — от понимания: сейчас скажут слово, которое придётся принять. И произнести в ответ что-то, что сохранит жизнь.

В узком коридорчике между нарами и стеной стоял капитан. Фуражка низко сидела, серые глаза, сухие губы, щетина в два дня. На петлицах — звёздочки. Петров окинул Егора быстрым взглядом сверху вниз, задержался на шее, где под воротом пряталась тонкая нить, и отвёл глаза.

— Вышел, — сказал он. — Идешь со мной. Рот закрыт.

Слова прозвучали так, что подходили одновременно всем и только ему. Егор кивнул, двинулся следом.

Снаружи лагерь жил утренним рывком. На плацу отбрасывали тени столбы, брезент палаток темнел от росы, со стороны кухни тянуло кашей и дымом.

С правого края плаца доносились обрывки разговоров: «японцы жмутся к реке», «всё, конец рядом», «домой бы...». Ответы обрывались при приближении дежурного и снова вспыхивали шёпотом, когда шаги удалялись. Сапоги глухо стучали по утрамбованной земле, боец пробежал с ящиком патронов, на ходу ругнулся и перешёл на китайскую брань. Смысл врезался в слух без перевода, и Егор вздрогнул.

Петров шёл рядом, держал темп быстрее нормы. Егор держал взгляд прямо, но всё время слышалось его присутствие. На повороте к штабной землянке капитан остановился, пропуская двух бойцов. Один из них — высокий, с ровной осанкой, с восточным лицом и спокойными глазами. Командир. Лю Чэн.

Лю не сказал «смирно». Он просто остановился, и рядом с ним движение сжалось, стало тише. Петров вытянулся. Егор повторил жест, и тело подхватило стойку раньше мысли.

— Егор, — Лю назвал его по имени и замолчал, ожидая реакции. — Вчерашнее прошло? Лицо у тебя каменное.

Петров тихо хмыкнул, в этом хмыке слышалась насмешка и отказ от лишних слов.

Егор открыл рот, и первый ответ родился по-русски — сдержанный, солдатский:

— Всё в порядке, товарищ командир. Голова ясная.

Лю чуть прищурился.

— Скажи то же самое, — произнёс он по-китайски.

Язык повернулся сам. Егор произнёс фразу без запинки. Поднялась волна жара, ладони вспотели. Он поймал на себе взгляд капитана: Петров слушал не смысл, он слушал звук.

— Хорошо, — сказал Лю на русском. — Значит, жив.

Петров приблизился, голос остался ровным, но слова резали по ушам:

— Вчера ты говорил много. Сегодня говорить не нужно. Приказ услышишь на плацу, вопросы потом.

Лю повернул голову к капитану. Между ними повисла пауза. Ни один не делал вид, что это спор. Пауза работала для третьего — для Егора.

— Мы собираемся через пятнадцать минут, — продолжил Лю. — Петров прав в одном: язык держи при себе. У нас есть уши.

По тону Лю Егор понял: речь шла не только о лагерных доносчиках. На краю плаца, у бревенчатой стены, стояли двое незнакомых бойцов и смотрели сюда дольше положенного. Один опустил взгляд, второй продолжал смотреть.

— Эти двое из охраны? — спросил Егор, и пожалел. Вопрос прозвучал заметно.

Петров улыбнулся уголком губ.

— Сообразительный стал. Вчера был тише. — Он повернулся к Лю. — Может, и полезно.

Лю не поддержал. Он сдвинулся к барaku и жестом позвал Егора за собой.

— Твой отряд там. Познакомься. Через пятнадцать минут — строй. Приказ получим и разойдёмся по местам.

Петров добавил ровным тоном:

— И форма. Приведи в порядок. На плацу лишних взглядов не нужно.

Егор молча кивнул. Глаза капитана опять скользнули к вороту. Нить под тканью тянула кожу, напоминала о себе. Петров увидел, и в его взгляде мелькнуло: знает.

Они вошли в барак вместе. Ким первым поднял голову и придал лицу привычную усмешку.

— О, командиры к нам, — сказал он громко, на русском. — Ли ожил, можно праздновать.

Смех прокатился по нарам, из строя бросили короткое слово по-корейски. Ким не менял позы, но плечи держал так, чтобы закрывать Егора от дальнего угла.

У рации сидела Валентина. Она подняла глаза на командиров, задержалась на лице Егора и вернулась к настройке. На локте оставалась повязка связиста.

— Морозова, — Петров произнёс фамилию, сдержанно. — После построения связь проверишь. Канал держи чистым.

— Есть, товарищ капитан, — ответила Валентина. Голос мягкий, но твёрдый. Она сняла наушник и надела, пряча мысль за движением.

В наушнике стоял ровный фон. Из глубины тянулось непрерывное шипение, похожее на звук натянутой струны. Валентина держала ручку настройки двумя пальцами, без лишнего усилия. В лагере любая дрожь превращалась в сигнал для чужих глаз.

Петров произнёс «канал держи чистым» так, что фраза легла поверх всего — поверх сухой доски, поверх мокрых портянок, поверх дыхания людей. Служебный приказ, который одновременно означал: «смотри за всеми». В ответ ушло короткое «есть», и это «есть» услышали те, кому надо.

На пороге барака стоял Ли. Тот самый, которого вчера тащили двое, которому она помогла сегодня утром. Он держался.

Пауза выдала больше, чем лицо. Ли пристально следил за ремнями, винтовками и табуретом у связи. Он не озирался, но смотрел как человек, который пытается восстановить порядок, а не живёт им.

Ким крутился рядом, громко шутил и закрывал Ли плечом от дальнего угла. Пока он говорил, его руки поправляли Егору ремень и проверяли, не дрожит ли локоть. Под видом дружбы Ким следил за ним.

Валя опустила глаза на свои руки, сделала вид, что занята проводом. Внутри поднялось знакомое напряжение. Долг требовал назвать странность вслух. Интуиция требовала тишины.

В лагере замечали даже то, что не произносили вслух.

Ли приблизился, и шипение в наушнике дрогнуло. Не громче, не тише. Ритм изменился. Ручка настройки стояла на месте, пальцы не двигались. Валя задержала дыхание и вдохнула. Шипение вернулось в ровную линию.

Ким сказал что-то по-корейски, мягко. Ли ответил, без лишней эмоции. Ответ прозвучал правильно. Правильность тоже могла быть маской.

Валя посмотрела на ворот Ли. Ткань лежала плотнее, чем у остальных: спрятанная под ней нить тянула кожу. Ли удерживал руки ниже, чем хотелось бы. Так держат те, кто боится сорваться на автоматическое движение.

Петров стоял у входа и слушал паузы так же внимательно, как Валя — эфир. Только он искал слабину, чтобы давить, а она — чтобы удержать человека от падения.

Ли поднёс руку к шее и опустил. Движение оборвалось в середине, как приказ самому себе. Валя отметила это и сделала свой выбор.

Не вслух. Внутри.

Сначала наблюдение. Потом слово.

Валя слегка повернулась к рации и сказала громче, для барака:

— Ли, держи кабель. Не наступи. Потом распутаеть.

Это звучало как обычная связистская придирка. На самом деле это была проверка. Простая. Физическая. У кого руки лагерные — возьмёт правильно. У кого руки чужие — покажет паузу.

Ли подошёл и сразу взял кабель правильно, будто работал с ним много раз. Он смотрел только на узел и знал, куда уложить провод, однако каждое движение требовало усилия, чтобы не выдать растерянность.

Ким хмыкнул, сказал громко:

— Ли у нас теперь связист.

Слова были шуткой. В глазах у Кима шла оценка. Он тоже смотрел на пальцы Ли.

Валя наклонилась к наушнику и услышала короткий провал — тишину длиной в один удар сердца. Затем слабый звук вернулся. В провале оставалось что-то ещё: невысказанное слово, обрывок, который не должен был идти по проводу.

Петров приблизился. Его тень легла на табурет, на провода, на ладони Ли. Валя не подняла голову. В лагере голову поднимают по команде.

— Морозова, — сказал Петров, тише. — После построения проверишь всё по списку. Поняла?

— Поняла, товарищ капитан, — ответила Валя спокойно.

Петров задержался. Он смотрел не на рацию. Он смотрел на людей. Он искал ту самую несостыковку. Валя почувствовала это кожей, так же ясно, как холод металла на пальцах.

Ли держал кабель, не двигаясь. Дыхание у него стало коротким. Ли сглотнул и заставил себя не отводить глаз. В этом удержании было больше правды, чем в любом ответе.

Петров ушёл к выходу, и воздух в бараке стал легче на один слой давления. Ким улыбнулся шире, вернул шум. Лю сказал про построение, и барак начал собираться.

Валя осталась у радики. Пальцы легли на ручку настройки. Ли стоял рядом ещё секунду, затем отступил к своим.

Шипение в наушнике вытянулось и вдруг сложилось в короткий звук, который проходил на границе слышимости. Валя замерла. Пальцы не дрогнули. Поднялась холодная ясность.

Слово пришло одним слогом. Без акцента. Без эмоции. Чисто для помех.

— Речной...

Валя не повернула головы. Не подала вида. Только провела кончиком пальца по проводу, отметила узел и запомнила место, где звук появился.

Ли двинулся к двери — и шипение стало ровным.

Значит, это было связано. Значит, отдавать его Петрову пока нельзя. Наблюдение оставалось службой.

Валя сняла наушник, положила его на табурет и поднялась. На лице осталась связистская собранность. Внутри осталась фраза, которую нельзя произносить вслух.

«Речной» уже позвал. Теперь вопрос был один: кто услышит его вторым голосом.

У печки, на полу, сидел ещё один человек. Тёмные волосы, лицо старше остальных, глаза полуприкрыты. Он держал на ладони тонкую веточку, водил ею по доске, и на дереве оставался влажный след. В следе проступал зеленоватый отсвет, быстро гас. Он не поднял головы, когда вошли офицеры.

— Дерсу, — Лю сказал это тихо, отмечая присутствие. — Пойдёшь с нами.

Проводник едва кивнул. Ветка остановилась. Зеленоватый отсвет исчез.

Ким подошёл ближе к Егору, голос стал доверительным, с привычной насмешкой:

— Вон он, лесной человек. С ним лучше спор не заводить. Он слышит тропы.

Егор не ответил. Он смотрел на Лю и Петрова, пытаясь понять, кто из них говорит больше, чем хочет. Лю держал лицо открытым, но его слова резали точно. Петров держал лицо закрытым, но глаза цепляли мелочи.

— Отряд, — Лю поднял голос, и шум в бараке стих. — Плац через десять минут. Оружие при себе. Ремни затянуть. Готовность полная.

Строй ответил хором. Ким тоже произнёс «есть», а потом наклонился к Егору и добавил беззвучно, на китайском:

— Дыши спокойно. Они смотрят.

Егор услышал, понял, и внутри поднялась горячая волна. Слова на китайском легли в голову без усилия, но смысл пришёл вместе со страхом. В лагере действительно следили даже за его молчанием.

Петров задержался у выхода и бросил Егору через плечо:

— Ли, после приказа останешься на минуту. Разговор будет.

Он не сказал, о чём именно. Ловушка сработала.

Лю выходил, но на пороге обернулся и посмотрел прямо в глаза Егору.

— Сегодня никто не геройствует в одиночку, — сказал он. — Сегодня держимся вместе.

Дверь распахнулась, и утренний воздух хлынул в лицо. На плацу уже строились первые шеренги. Где-то снаружи прозвучал свисток, и в ответ поднялся гул. Егор взялся за ремень, подтянул его, сдвинулся к выходу и подумал: капитан зовёт на разговор после приказа. Командир говорит про уши. Ким улыбается выверенно. Валентина слушает эфир и людей. Дерсу водит веткой по доске и гасит зелёный след одним движением.

Скоро прозвучит приказ, и станет ясно, кто в этом бараке подталкивает вперёд, а кто ждёт чужого срыва.

Тонкая нить под воротом дёрнулась сама. Егор стоял на пороге барака, когда металл на груди отдал холодом в кожу, через ткань прошёл чужой толчок. Пальцы сами нашли узелок, и тогда капитан Петров двинулся рядом так тихо, что слышно стало его дыхание.

— Минуту, — сказал Петров, не глядя. — До строя успеешь.

«Решил начать разговор раньше», — подумал Егор.

Он увёл Егора за угол барака, туда, где утоптанная земля переходила в траву. Сюда долетали голоса плаца, свисток, тяжёлый топот, а между ними висела полоса тишины. В ней слышался дальний шум: кухня, котлы, скрип телеги.

Петров вынул папиросу, повертел в пальцах, не прикурил. Глаза у него оставались спокойными.

— Вчера тебя «несло», — произнёс он. — Сегодня держись спокойно. Значит, память вернулась.

Егор удержал подбородок. Тело подсказало стойку: плечи на месте, дыхание короткое.

— Память на месте, товарищ капитан.

Петров наклонил голову.

— Скажи, где твой второй подсумок. Слева или справа?

Вопрос был мелкий. Вопрос был крючком. Егор опустил взгляд на ремень и увидел, что подсумок действительно один, второй отсутствовал. Шевельнулась паника, и поднялось другое знание: вечерняя возня, мокрая тряпка, стол у печки, Ким забрал лишнее, чтобы снаряжение не брэнчалось.

— Один оставил в оружейной, — сказал Егор. — На сушку. Дал Киму, он просил ремень поправить.

Петров молчал две секунды. В эти секунды он запоминал не ответ, он запоминал паузу и глаза.

— Ким, значит, — повторил он. — У тебя с ним крепко.

Егор не ответил. Петров сам продолжил, спокойнее:

— Китайский у тебя сегодня гладкий. Так говорят те, кто много слушает и мало отвечает. Полезное качество.

Он подошёл ближе, и Егор почувствовал запах кожаной кобуры и табака. Капитан протянул ладонь к вороту, остановился в двух пальцах от ткани, не касаясь.

— Что носишь?

Егор опустил подбородок. Нить тянула кожу. Медальон-дракон под гимнастёркой нагрелся и потянулся к горлу тяжёлым металлом.

— Память, — сказал Егор, и сам услышал, что это слово подходит и сейчас, и потом.

Петров улыбнулся одним уголком губ.

— Память в бою шумит. Шум не нужен. — Он убрал руку. — На плацу держись в строю. На вопросы отвечай коротко. И ещё... если в голове всплывут странные слова, проглоти их. Здесь за странные слова платят кровью.

Капитан повернул голову к плацу. Там собирались шеренги.

— Пошёл.

Егор двинулся обратно. Рука потянулась к вороту сама. На пальцах выступила влага, хотя воздух был сухой. Он раздвинул ткань, вытянул наружу то, что висело на нити.

Медальон был плоским, тяжёлым, тёплым. На металле — дракон, выгравированный глубоко, с чешуёй, от которой пальцы чувствовали каждую борозду. С другой стороны — буквы, вытертые временем: «Ли». Ниже — две точки, метка.

Егор спрятал медальон и пошёл к плацу. Шаги выравнивались, и в это же время из внутреннего кармана гимнастёрки ткнуло ребром что-то бумажное. Он остановился у бревенчатой стены, где никто не смотрел прямо, вытащил сложенный блокнот. Обложка — тёмная, пропитанная потом и дождём. На ней — пятно от пальца, вмятое в бумагу.

Ким возник рядом быстро.

— Ли, ты опять задержался, — сказал он громко. — Петров укусит.

— Ремень проверял, — ответил Егор, не поднимая глаз. Листок под пальцами дрожал.

Ким понизил голос, корейские слова упали мягко, без резкости.

— Что у тебя там? Документы держат глубже. Много глаз.

Егор сжал блокнот сильнее.

— Мои.

Ким усмехнулся, и эта усмешка стала маской. Он глянул через плечо, туда, где у края плаца стояли двое из утренних наблюдателей. Один делал вид, что поправляет портянку, второй держал руки в карманах и смотрел в сторону, где люди строились.

— Твои, — повторил Ким. — Тогда спрячь их.

Егор кивнул и всё же развернул блокнот на пару страниц. Почерк был знакомый и одновременно чужой: линия уверенная, буквы плотные, рядом русские слова и китайские. Строки шли коротко, без лишнего.

«Операция близко. Лю верит. Петров слушает всех. В лагере чужой».

Ниже — дата. Август. Число размазано, писали на колене.

Егор перелистнул. На следующем листе — другое.

«Печать Амура».

Слова стояли отдельно, крупнее, вдавленные в бумагу сильнее. Егор провёл под ними пальцем. Кожа на подушечке была сухая, и всё равно лист вдруг стал влажным. На линии выступила тонкая зелёная полоса, затем погасла.

Ким перестал улыбаться. Он смотрел на бумагу, и в его взгляде исчезла игра.

— Не показывай, — сказал он.

— Что это? — вырвалось у Егора.

Ким ответил, по-русски, так, чтобы звучало буднично:

— Твои караули. Пиши потом. Сейчас строй.

Слова были простые, смысл в них был другой: опасно. Ким толкнул Егора локтем в бок, без силы, но с точностью, и Егор сложил блокнот обратно. В этот момент сверху с плаца донёсся крик дежурного: «Шеренги, равняйся!»

Егор двинулся вперёд. Земля под подошвой отозвалась лёгкой дрожью. Она возникала точками там, где стояли люди. Егор определил ближайшую яму, мокрый участок и камень под тонким слоем земли. Знание пришло и осталось.

— Ли, — окликнула Валентина с края строя.

Она подошла быстро, на ходу подтянула ремень у него на боку, заметила слабинку раньше остальных. Пальцы у неё были холодные, движения аккуратные.

— Держи пряжку ниже, — сказала она. — На плацу заметят.

Егор всмотрелся. Валентина смотрела на ремень, на руки, на пустоту за плечом, избегала лица. Голос не дрожал, а в паузе между словами была просьба: ничего лишнего.

— Спасибо, — ответил Егор.

Валентина чуть наклонилась ближе, и её дыхание коснулось воротника.

— В эфире ночью было шипение, — произнесла она тихо. — Долгое. Лю сказал: помехи. Петров сказал: молчать. Шипение шло с воды.

Егор не спросил, откуда она знает. Любой вопрос мог стать крючком.

— Понял, — сказал он.

Валентина отступила на шаг, и на лице появилась обычная связистская собранность. Она повернулась к рации, к своему месту у края плаца, и больше на Егора не смотрела.

Шеренги выстраивались. Лю Чэн прошёл вдоль строя, взглядом фиксируя каждого, руки у него были за спиной. Дерсу стоял чуть в стороне, не в линии, и всё равно держал простран-

ство. Он выпрямился, его полуприкрытые глаза встретились с глазами Егора. В этом взгляде было предупреждение без слов.

Егор сунул руку в карман гимнастёрки и нащупал блокнот. Бумага опять отсырела. Он вынул блокнот так, чтобы никто не увидел. Под крупными словами проступила новая строка, будто чернила прошли сквозь лист.

«Если вернёшься, удержи Печать. В строю будет второй голос».

Егор застыл. Второй голос мог быть любым. Второй голос мог быть Кимом, который улыбается и проверяет. Второй голос мог быть Валентиной, которая слышит эфир и молчит. Второй голос мог быть капитаном, который задаёт мелкие вопросы, чтобы поймать паузу.

Свисток повторился. Лю поднялся на небольшой помост у штаба. Петров встал правее, рядом с ним — неизвестный офицер в плаще-накидке, лицо закрывала тень, рука была перевязана чистой тканью. От него тянуло металлом и гарью, запах пробивался даже сквозь утренний воздух.

Егор спрятал блокнот. Медальон под воротом нагрелся и стал тяжёлым, тяжесть тянула вниз, в груди всплыла память о воде. Сердце билось ровнее, чем минуту назад, и всё равно грудь сдавило. Он двинулся в сторону командира — и почувствовал в груди резкий укол, будто металл внутри сдвинулся. В сознании вспыхнула строка из блокнота: «дверь».

Петров стоял у края плаца и смотрел на реку за деревьями, туда, где сейчас видимость пропала. Он не оборачивался, но голос его прозвучал так, что Егор услышал:

— Ли, — сказал капитан спокойно. — Если ночью услышишь воду там, где воды нет, стой. Не делай шаг на звук.

Егор замер на полудвижении.

Шаг на звук — и что откроется за этой дверью.

Ночь пришла без света. Лагерь перестал шуметь, но не стал тихим. Доски под нарами жили своей памятью: скрипели, отпускали гвозди, отдавали тепло. Люди лежали плотнее, чем днём, и всё равно между ними держалась дистанция — привычная, боевая.

Егор лежал на спине, ладони под ремнём, чтобы не тянуло к вороту. Медальон давил на кожу и грелся, будто в нём оставили уголёк. Сон не шёл. Глаза закрывались и открывались. В голове вспыхивали короткие отрезки: затвор, мушка, трава, падение. Затем — лицо Вали, её спокойная фраза. Затем — голос Петрова, который говорил про воду и шаг.

Под пальцами, кроме медальона, нашёлся мокрый край бумаги. Егор вытащил обрывок с цифрой «8» — тот самый, поднятый у мемориала. Нить на обороте затянулась в маленькое кольцо. Значит, через переход прошёл не только он. Егор спрятал бумагу во внутренний шов гимнастёрки и решил никому её не показывать.

Снаружи прошёл дежурный. Сапоги отстучали, затем исчезли. В бараке один из бойцов кашлянул и прижал рот ладонью, чтобы не выдать слабость. Ким лежал на соседних нарах, дыхание у него было спокойное. Егор слушал этот ровный ритм и пытался удержать свой.

Тогда и пришло.

Сначала появился длинный низкий звук, которому здесь неоткуда было взяться. Он тянулся из-под досок. Вода — там, где под полом были только земля и воздух.

Егор открыл глаза. Сердце ударило один раз сильнее и остановилось на половине удара. Пальцы сами пошли к вороту, и он удержал их усилием, от которого свело предплечья.

Шум воды не усиливался и не исчезал. Он шёл из-под пола, указывая направление.

Тело готовилось подняться. Колени собирались согнуться. Плечи искали опору. Вспыхнула мысль о 2025-м: мемориал, плита, фамилии под ладонью. Затем вспыхнуло другое: тень у ограждения и выстрел.

Лагерь спал. Егор остался на нарах: стоило подняться, и его заметили бы. Если пойти на звук, тело поведёт само и выдаст в нём чужого.

Дыхание сбилось. Егор прижал ладонь к ремню и ощутил простой, надёжный узел. Руки вспомнили его из утра, и от этого воспоминания потянуло холодом.

Егор начал считать.

Один. Звук воды дрогнул. Два. Медальон под воротом стал тяжелее. Три. Поднялся жар, который хотел стать паникой. Четыре. Егор удержал жар в груди, не отдавая его горлу. Пять. Боец рядом повернулся, доска коротко скрипнула. Шесть. Егор замер всем телом, даже пальцами. Семь. Скрип исчез. Восемь. Вода пошла длинной линией. Девять. Нить на шее натянута сама. Десять.

После «десять» звук воды изменился. Он ушёл глубже, под землю, туда, где его уже нельзя было услышать обычным слухом. Значит, его проверяли: дверь трогали с другой стороны.

Он медленно вытащил медальон из-под ткани и закрыл его ладонью. Металл был тёплым. На коже под ним пульсировала маленькая болезненная точка.

Егор не шевелился. Слушал.

В дальнем конце барака щёлкнула доска. Затем наступила тишина и послышался короткий выдох, выдержанный в заданном ритме.

Ким.

Егор не повернул головы. Понял только одно: в строю действительно есть второй голос. И он слушает даже ночью.

Егор спрятал медальон обратно. Ладонь легла на ремень, на узел, как на якорь. Правило стало простым и жестоким: услышал воду — считай до десяти. Не вставай на звук. Сначала ищи нить.

Сон всё равно не пришёл. Но в голове появилась жёсткая полоса, на которую можно опираться. В эту полосу и упёрлась ночь — до рассвета.

Глава 3: Боевой приказ

Рёв горна разрезал утро, и плац мгновенно сжался до узкой полосы мокрой земли под сапогами. Егор двинулся в строй на чужой памяти тела: плечи сами встали ровнее, подбородок нашёл нужную высоту. Вдоль шеренги шли вперемешку русские команды, корейские выкрики, короткие китайские ответы. В груди стучало быстро и чётко — так, будто организм уже привык жить на краю.

Слева Ким Дэ Сон перехватил ремень винтовки, подтянул подсумки и бросил Егору вполголоса:

— Ли, глаза вперёд. Сейчас будут говорить.

Егор кивнул. Горло пересохло. Ладонь сама нашла под гимнастёркой медальон-дракон. Холодная пластина нагрелась, словно внутри тлели угли. Слабая дрожь дошла до локтя. Егор убрал руку и заставил пальцы не двигаться.

На плацу стояли двенадцать бойцов отдельной группы — не весь лагерь. Остальные шеренги вытянулись дальше, за ними виднелись тёмные бревенчатые строения и столб дыма от кухни. Небо висело низко, морось цеплялась за пилотки. На ветру тяжело шевелились знамёна: красное полотнище с серпом и молотом и рядом — другое, с выцветшими иероглифами, аккуратно пришитыми к ткани. Егор узнал эти знаки по фотографиям из будущего, по музейным подписям, по газетным картинкам, на которые он раньше смотрел без участия. Теперь знамя было живым: ткань тянула плечо знаменосца, капли стекали по бахrome.

Перед строем появились двое. Первый — широкоплечий, в полевой форме, с сухим лицом и усталостью, которую не скрыть ни выправкой, ни ремнём. Подполковник Чжоу. Второй — ниже ростом, в гимнастёрке, сидящей так, будто она выросла на нём. Майор Ким Ир Сен вышел следом. Он двигался спокойно; разговоры на плацу стихли.

Чуть в стороне остановился худощавый переводчик с аккуратно подстриженной головой и неестественно чистыми для такой погоды манжетами. На рукаве была повязка, в руках — сложенные вдвое листы. Он сохранял вежливое выражение и время от времени поглядывал на штабные окна.

Чжоу заговорил низко, так что каждое слово услышали даже в дальнем ряду.

— Товарищи бойцы. Приказ боевой. Секретный.

Переводчик повторил по-русски, затем быстро — по-китайски, и следом — по-корейски. Егор уловил в его русском мягкость, которой не ждёшь от военного переводчика. Перевод звучал свободно, но паузы настораживали. Паузы он расставлял иначе, чем Чжоу: фраза про секретность стала длиннее, а слово «приказ» прозвучало с нажимом, словно переводчик подталкивал слушающих к единственному выводу.

Лю Чэн держал подбородок и слушал не голос Чжоу, а паузы между словами. В паузах жило больше, чем в приказе: там прятались сомнения штаба, там же прятался переводчик.

Лю отследил, где переводчик растягивает важные места, где срезает предупреждения. В голове сложился список: кому верить в воздухе, кому верить на земле. Воздух можно испортить одним неверным ударением.

По строю прошёл едва заметный сдвиг: бойцы втянули воздух и крепче сжали ремни. Лю видел, как Ким заранее проверяет подсумки и выбирает возможную цель. Полезный боец, но опасный напарник: легко срывается и потом сам возвращает себе контроль.

Слева, на шаг в стороне, стоял Егор Ли. Тело у него держало строй, плечи правильно расправлены, однако глаза выдавали внутреннюю работу. Лю заметил это раньше других: короткая задержка дыхания на слове «секретный», внимательный взгляд на мокрую бумагу в руках переводчика, рука, которая едва не пошла к груди и остановилась.

Лю не верил в простые совпадения. Егор мог быть чужим, мог быть трещиной, мог быть приманкой. При этом приказ катился по плацу. Вопрос о доверии остался, времени на него не осталось.

Чжоу говорил дальше, переводчик повторял, и Лю запомнил главное: где войти, где выйти, кого вывести и кто попытается помешать. Всё остальное займёт головы и будет мешать.

Лю посмотрел на ряд бойцов и мысленно собрал связку.

Ведущий — проводник. Рядом — связист и тот, кто держит линию огня коротко. Замыкающий — тот, кто умеет закрывать хвост без шума. Егор — в середине, ближе к нему для контроля. Если он сорвётся, срывается только часть цепочки. Если он знает больше, это станет ресурсом.

Лю ощутил холодный привкус ответственности. Ошибка лидера всегда звучит одинаково: сначала тишина, потом чужие шаги.

Чжоу поднял листы, взглядом проверил строй.

— На маньчжурской стороне границы появилась мёртвая зона. Туда ушли наши разведгруппы. Назад не вернулся никто.

Переводчик произнёс «мёртвая зона» и задержал дыхание. Егор почувствовал это телом — кожа на предплечьях стянулась, волосы на шее поднялись. Под сапогами земля дала короткий толчок, глубокий, без звука, как удар ладонью по мокрой доске. Егор опустил взгляд в грязь и увидел, что капля дождя, упавшая рядом, разошлась кругами, а потом круги сложились в тонкую чешуйчатую линию. Линия исчезла, будто её и не было.

Чжоу продолжил:

— Японский командир укрепился в приграничной деревне. Имеются признаки неизвестного оружия. Имеются признаки аномалии. Задача группы: тайно перейти границу, выяснить природу аномалии, добыть сведения и вернуться. Второе: спасти нашего человека, переводчика, который пропал на предыдущем выходе. Третье: обнаружить и ликвидировать источник влияния врага.

Переводчик повторил последние слова и едва заметно улыбнулся. Егор увидел это боковым зрением. Медальон под гимнастёркой отозвался резким теплом, в виске дёрнулось.

Майор Ким Ир Сен двинулся вперёд и сказал. Переводчик передал:

— Эта операция решит многое. Успех даст фронту возможность идти дальше. Ошибка похоронит не только вас.

Ким Дэ Сон рядом втянул воздух носом, будто услышал личный вызов. Его пальцы проверяли патроны в подсумке. Лю Чэн стоял впереди, на шаг ближе к командованию, и в его неподвижности было другое: счёт, холодный расчёт, привычка держать в голове маршрут и отход.

Чжоу кивнул Петрову. Николай Петров вышел из тени строя командиров, и плац будто стал более «советским»: в его голосе жила привычка произносить слова, за которыми стоит бумага, печать, подпись.

— Приказ товарища Сталина: содействовать китайским и корейским товарищам без промедления. Помнить, что мы работаем на общий разгром врага. Кто здесь ищет личную славу — тот лишний. Здесь нужны те, кто вернётся с данными.

Петров смотрел по лицам и задержался на Егоре дольше, чем нужно. В животе стянуло. Вчерашняя растерянность, барак, зеркало, чужое лицо — всё это поднялось комом. Егор удержал дыхание, не дал плечам дрогнуть.

Чжоу начал называть фамилии и роли. Каждое имя отзывалось движением: бойцы выходили на шаг вперёд и замирали.

— Лю Чэн.

Лю вышел без лишних жестов, встал напротив командиров. Переводчик произнёс его имя по-русски чуть иначе, с мягким «л», и при этом коснулся взглядом Петрова, словно проверял реакцию.

— Ким Дэ Сон.

Ким двинулся, прищурился, на лице мелькнуло нетерпение. Майор Ким Ир Сен задержал на нём взгляд, и Ким Дэ Сон словно вспомнил о дисциплине: плечи встали жёстче.

— Морозова, Валентина.

Валя вышла из второй линии. Пилотка на мокрых волосах, ранец прижат ремнями, лицо бледнее обычного. Она держала подбородок и смотрела прямо, хотя пальцы на ремне дрожали. Егор заметил это и вдруг ощутил злость на собственный страх: если она стоит здесь — ему точно нельзя проваливаться в панику.

— Дерсу.

Нанайский проводник выступил без звука. На его губах не было ни улыбки, ни суровости — только внимательность. Он посмотрел не на командиров, а на край плаца, туда, где за ограждением начиналась линия леса. В этом взгляде жила тревога, и Егор поймал её, как ловят запах дыма.

— Петров... — подполковник не назвал Николая, но кивнул ему. — Связь и снабжение.

Николай Петров остался на месте, он здесь был в другом качестве: он привязал группу к штабу.

— Ли Егор. Позывной «Речной».

Имя ударило по слуху. Вчера Ким тормозил его на нарах именно этим именем. Сегодня его произнёс Чжоу, прямо, без вопроса. Егор двинулся вперёд и не почувствовал ног. Плац, лица, знамёна — всё стало очень чётким, до мельчайшей капли.

Переводчик повторил «Речной» по-китайски, и в его интонации проскользнуло что-то личное. Егор встретился с ним глазами. Переводчик отвёл взгляд, поправил листы, сделал вид, что ищет строку. На белой бумаге проступило пятно влаги. Пятно расплзлось, складываясь в угловатый знак. Егор моргнул — знак уже исчез, осталась просто мокрая бумага.

Чжоу закончил:

— С этого момента вы — спецгруппа. Вопросы задавать через командира. Сведения о задаче — только внутри группы. Любое слово лишнему человеку — предательство. Готовность — немедленно.

Петров добавил, тише, так, чтобы слышали только вышедшие вперёд:

— Время пошло. Ошибка в первые сутки стоит отряда.

Ким Дэ Сон, стоя рядом, прошептал так, чтобы слышал только Егор:

— Речной, держись ближе. Там всё будет... грязно.

Слово «там» повисло тяжёлым грузом. Медальон под гимнастёркой нагрелся ещё сильнее. Тепло не обжигало, а требовало ответа. Решение сложилось коротко: выполнить задачу, вернуться и не потерять этих людей.

Чжоу отступил, командиры начали расходиться. Переводчик задержался на мгновение, будто пропуская их вперёд. Проходя мимо строя, он наклонился к Петрову и сказал по-китайски одно короткое слово. Егор его понял, хотя никогда не учил этот язык в своём времени: «переправа».

Переводчик заметил, что Егор услышал. На лице мелькнула едва заметная улыбка, и он ушёл, оставив после себя запах дешёвого табака.

Егор остался перед строем и смотрел вслед переводчику. Приказ отдало командование, но человек с листами настойчиво подталкивал их к переправе.

Командиры разошлись, и плац распустил строй на отдельные узлы. Лю Чэн двинулся в сторону, и жестом собрал своих: короткое движение ладонью вниз, без слов. Ким Дэ Сон пришёл первым и встал вплотную. Морозова подтянулась, придерживая ремень, Дерсу подошёл

бесшумно и остановился чуть в стороне. Николай Петров появился рядом, будто стоял там давно. Егор подошёл последним.

Секунда молчания прошла тяжело. В этой секунде каждый решал, что делать с чужими языками и чужими привычками.

Ким глянул на переводчика, который уходил к штабу, и сказал так, чтобы слышали только свои:

— Этот человек играет словами. В лесу слова режут хуже ножа.

Петров не повернул головы, ответил:

— В лесу режут ошибки. Слова — инструмент: его берут в руки, потом кладут на место.

Ким напрягся, губы пошли в движение, затем он остановил себя. Петров видел это и не дал повода. Лю отследил, кто первым сорвётся. Срывы приходят по одной схеме: сначала обида, потом громкость.

Морозова смотрела на всех по очереди и спокойно стояла. У неё дрожали пальцы на ремне, дрожь уходила внутрь. Егор заметил это и ощутил короткий укол стыда: рядом стояла девушка, которая выбрала путь, а в голове у него ещё жил второй мир.

Лю повернулся к Егору.

— Позывной слышал. «Речной». Вопрос простой. На переправе возле старого столба какая отметка на тропе? Говори сразу.

Вопрос застал Егора без подготовки. Егор ощутил пустоту в голове. Пустота длилась долю секунды, потом тело само поставило ответ. Не словами — движением.

Егор протянул руку и показал: два пальца вместе, затем короткий сдвиг в сторону и вниз. Следом — кулак у груди. Жест был точным, не театральным.

Ким быстро повернул голову к Лю.

— Это наш знак. Откуда он знает?

Он сделал это. Поднялись гордость и страх: проверку он прошёл, но правильное движение выдало чужую память тела.

Лю не отступил. Он смотрел на Егора долго, затем сказал спокойно:

— Запомнил. Хорошо. Следующий.

Лю повернулся к Киму:

— Замыкаешь. Смотришь назад, рот держишь закрытым. Голос используешь только на команду.

Ким приблизился, в глазах поднялась сталь.

— Команда будет по делу. Лишние люди идут домой.

Петров поднял ладонь, в этом жесте лежало право старшего:

— Домой сейчас у всех один маршрут — через задачу. И там никто не главный по характеру.

Дерсу молчал. Его молчание раздражало Кима сильнее, чем слова Петрова. Ким повернулся к нему:

— Ты проводник. Говори, где вход.

Дерсу посмотрел медленно.

— Земля покажет. Река подскажет.

Ким сжал челюсть.

— Это разговор для костра. Тут приказ.

Лю перехватил момент, пока Ким не пошёл дальше.

— Дерсу. Дашь знак, когда почувствуешь вход. Любой знак. Руки.

Дерсу кивнул. Коротко.

Морозова приблизилась к Лю:

— Радио держу. Только скажите, кто отвечает, если эфир заговорит.

Петров ответил вместо Лю:

— Отвечать никто не будет. Проверять будете глазами. Потом руками.

Егор услышал в этих словах не инструкцию, а приговор: собственная привычка «доверять звуку» здесь станет ловушкой. Поднялась ещё одна мысль, тяжёлая и липкая: если сорвётся, то сорвутся они все.

Лю посмотрел на каждого по очереди.

— С этого момента разговоры короткие. Решения быстрые. Внутри связки человек живёт, пока держит дисциплину. Спор переносится до остановки. Остановка будет.

Он сделал паузу и добавил, тише:

— Егор, держись рядом. Вопросы — ко мне. Ответы — тоже.

Егор кивнул. Внутри едва слышно хрустнуло, и трещина прошла глубже, туда, где держалось имя.

Сзади, у штаба, переводчик обернулся и внимательно осмотрел их связку. На лице не было улыбки, только расчёт. Он запомнил порядок людей.

В штабной избе за плацем щёлкнула задвижка, и тишина усилилась. Егор вошёл последним, стряхивая с рукавов воду. На лавке у стены лежали стопки карт в промокших конвертах, компасы, сухари в мешочках, пара свёртков с бинтами. На столе — маленькая радиостанция, похожая на металлический кирпич с ручкой, и рядом — чёрный блок питания. Антенна была сложена, но из динамика всё равно прошёл короткий треск, словно оголённый провод задел металл.

Валентина наклонилась к радио. Лицо у неё было спокойное, только пальцы двигались быстро. Николай Петров стоял напротив, сняв мокрую гимнастёрку и повесив её на гвоздь. Под ней — майка, ремень, кобура. Он раскладывал снаряжение деловито, без лишних слов, и при этом взглядом оценивал всех сразу.

В избе воздух был тяжёлым от сырости и запахов. Петров сказал про ограниченное время, и Лю раскладывал в голове минуты. Из них складывалась простая вещь: сигнал. Без сигнала группа превращается в шум.

Дверь открылась, и внутрь вошёл невысокий старшина в мокрой гимнастёрке. На лице — усталость, которая держится на привычке. Он не спросил, кто главный. Он увидел группу и понял.

Николай Петров подошёл к столу. — Слышал, выходите к зоне. Значит, слушайте.

Ким изогнул бровь.

— Мы слушаем.

Николай посмотрел на него и не ответил. Он протянул руку: ладонь вверх, затем резко вниз. Все замерли без команды. Даже Ким. Морозова остановила дыхание, Дерсу остался неподвижен, сердце упёрлось в рёбра.

Николай продолжил:

— Жест первый. Ладонь вниз — стоп. Жест второй. Два пальца вперёд — смотри. Жест третий. Кулак у груди — подтверждение. Слова идут после. В лесу их могут услышать и передать врагу.

Петров молча кивнул. Лю поймал себя на коротком облегчении: человек времени пришёл вовремя.

Николай провёл короткую отработку: менял жесты и ритм, делал длинные и короткие паузы, проверял скорость реакции. Ким отвечал поспешно, Морозова — чуть медленнее, Дерсу — едва заметным движением пальцев. Егор отвечал правильно, и эта правильность тревожила.

Николай остановился напротив Егора.

— Позывной?

— Речной, — ответил Егор.

— Подтверди, — сказал Николай и показал кулак у груди.

Егор повторил. И тогда в ушах поднялся звук воды. Звук шёл не с улицы. Он шёл из пола. Ступня сама хотела сделать шаг назад, будто там было сухо. Поднялась паника.

Дерсу оказался рядом раньше, чем Егор понял движение. Ладонь Дерсу легла на запястье Егора. Движение было коротким, точным. Егор остановился.

Николай не спросил, что случилось. Он увидел всё по одному признаку: по срыву взгляда вниз.

— Ещё раз, — сказал Николай и повторил жест. — Подтверди.

Егор поднял кулак у груди. На этот раз движение вышло медленнее. Внутри остался холод.

Ким бросил взгляд на Егора и сказал, без звука:

— Слышал воду. Тут доски.

Егор промолчал. Любой ответ открыл бы лишнее.

Николай сменил порядок:

— Сейчас проверка. Я даю знак. Кто видит — подтверждает. Кто услышит голос без знака — молчит. Кто молчит без причины — получает по голове на обратном пути. Причину приносит позже. Вопросы?

Ким хотел сказать что-то и остановился. Лю сказал вместо него:

— Сколько раз?

— Пока руки не начнут делать сами, — ответил Николай.

Он начал. Ладонь вниз. Два пальца вперёд. Кулак у груди. Потом снова. Потом внезапно — тишина. И в этой тишине из угла избы прошёл шорох. Морозова повернула голову. Егор тоже повернул. Там не было движения. Там был звук.

Николай поднял кулак и посмотрел на Лю.

— Здесь пробует, — сказал он. — Дальше будет говорить голосами.

Петров приблизился к Егору и сказал так, чтобы слышал только Егор:

— Узел у тебя живой. Дёрнется — покажешь Лю. Сразу.

Егор кивнул. Грудь стянуло ремнём сильнее, хотя ремень не двигался. Внутри стало тесно: медальон, ладанка, чужая память, собственный страх.

Николай закончил тренировку внезапно.

— На улице повторить. На тропе повторить. На переправе повторить. Группа живёт на подтверждении.

Петров смотрел на Егора без видимого нажима. Смотрел на дыхание, на пальцы, на задержки в движениях. У разведки бывают разные метки. У этого бойца метка была одна: тело знало больше головы.

Петров подошёл ближе, якобы поправить ремень на груди Егора. Пальцы коснулись ткани, и под тканью ответило напряжение. Узел держал живого человека. Рядом с чужой печатью его всегда тянуло к воде.

Петров убрал руку и сказал спокойно, без угрозы:

— Покажешь командиру, когда потянет. Дальше решит он.

Егор кивнул. Кивок был правильный. Петров отметил это и решил: парень пойдёт. Парень выдержит. Парень может стать дырой. Дыру проще закрыть дисциплиной, чем разговорами.

Лю взглянул на каждого и понял: эта сцена спасла им жизнь. Оплата придёт позже.

— Время ограничено, — сказал Петров и коснулся карты. — Берём комплект на трое суток. Больше не унесём, меньше — останемся голодными и злыми. Злость делает шум.

Ким Дэ Сон потянулся к ящику с патронами. Лю Чэн перехватил его движение ладонью, мягко, но так, что Ким замер. Лю даже не поднял голос.

— Десять магазинов на человека, — произнёс он.

Ким сжал челюсть. Его рука ещё секунду держалась над ящиком, потом он всё же взял столько, сколько назвал Лю. В глазах у него горело желание спорить. Он проглотил слова, но плечи напряжённо поднялись.

Дерсу стоял у дверного косяка. С него стекала вода, и на полу под сапогами собиралась тёмная лужа. Он смотрел в угол, где висели мокрые плащи, и прислушивался, будто в избе было второе дыхание.

Петров положил перед Егором карту. Бумага пахла сыростью и типографской краской. На краях — карандашные отметки, сделанные уверенной рукой.

— Пойдём здесь, — Петров ткнул ногтем в тонкую линию вдоль леса. — Граница рядом, речка мелкая, дальше топь. Проводник поведёт. Командир группы — Лю Чэн. Связь — на Вале. Позывной прежний.

Егор кивнул. Грудь сдавило от слова «прежний». Оно прижало к памяти две жизни сразу. Тело прадеда знало это всё давно, привычно. Его собственное «раньше» было другим: офисный свет, экран, цифры. Сейчас пальцы держали карту, и от мокрой бумаги холод пробирался под ногти.

Валя выпрямилась от радиостанции.

— Контакты чистые, — сказала она. — Батарея тяжёлая, тащить придётся по очереди.

— Потянешь? — Петров спросил, так, что услышали только ближайшие.

— Потяну, — ответила Валя. Слова были простые, а голос дрогнул на последнем звуке. Она опустила взгляд и поправила ремень на плече.

Петров достал из внутреннего кармана свёрток, завернутый в масляную ткань. Развернул аккуратно. На стол легла круглая деревянная пластина с нанесёнными кругами, знаками, тонкими рисками. В центре — маленькая игла под стеклом. Металл иглы дрогнул, хотя в избе не было сквозняка.

Лю Чэн посмотрел на артефакт так, будто проверял лезвие ножа.

— Это что? — спросил он по-русски, без акцента.

Петров не спешил отвечать. Он положил ладонь на пластину, словно закрывая что-то ценное от чужих глаз.

— Передали через наших людей. Это компас лопань из монастыря у Хэйшуй, — сказал он. — Монахи отдали его связному НКВД, а связной передал группе. Говорят, он помогает против чужих меток и путаницы.

Петров достал из масляной ткани сложенную записку. На одной стороне стояли китайские знаки, на другой — русский перевод, сделанный карандашом. Связной НКВД принял компас лопань у монаха по имени Бао Жэнь за двое суток до перехода границы. Монах сообщил, что возле Хэйшуй люди с бумажными метками заставляли лодочников ходить по одному рукаву, хотя вода там давно обмелела. Те, кто подчинялся указателям, возвращались к тому же берегу или пропадали.

В записке было одно правило: стрелка указывает не сторону света, а ближайшую замкнутую метку. Чтобы проверить прибор, требовалось положить рядом вещь, которой уже присвоили номер.

Петров велел принести медную пластину, найденную у разведчика возле лагеря. Дежурный положил её на край стола и отошёл. Игла компаса дрогнула, повернулась к пластине и застыла. Когда Петров накрыл номер картой, стрелка продолжала указывать на него сквозь бумагу.

В комнате стало тише. Ким перестал перебирать патроны. Валя сняла наушник. Дерсу приблизился и провёл ладонью над компасом, не касаясь дерева.

— Метка держит, — сказал он. — Даже закрытая.

Петров вынес пластину к ведру у двери. Игла пошла следом. Тогда он опустил метку в воду. По поверхности пробежала рябь, номер потемнел, а стрелка на несколько секунд потеряла направление.

— Значит, вода мешает учёту, — произнёс Лю.

— На несколько секунд, — поправил Петров. — Не стройте из этого защиту. Это инструмент проверки и последний ключ, если все обычные способы откажут.

Он вытер пластину, завернул отдельно и передал компас Лю. На Егора капитан посмотрел дольше остальных. Медальон под гимнастёркой ответил теплом, будто узнал предмет.

— Монах просил вернуть компас, — сказал Петров. — Связной ответил, что возвращают только после выполненной задачи. Поэтому сначала вернёмся сами. Потом будем решать, кому принадлежит эта вещь.

Слово «наших» прозвучало чуть иначе, чем остальная фраза. Егор уловил эту щель, в которую обычно прячут второе дно. Петров посмотрел на него, и секунду они смотрели друг на друга. У Петрова были глаза человека, который привык считать людей по признакам и не ошибаться.

Лю Чэн взял компас лопань двумя руками. Пальцы у него не дрожали. Он наклонил его к свету. Игла пошла кругом, сделала полный оборот и остановилась на отметке, где был выжжен маленький знак, похожий на разомкнутую скобу. Лю задержал дыхание, потом медленно выдохнул.

— Работает, — сказал он. И добавил для группы: — Подойдёт. Беречь, держать сухим. Ким Дэ Сон фыркнул.

— Монахи. Война, а нам деревянные игрушки.

Лю даже не повернулся к нему.

— В зоне пропадают группы. Тебе хватает простых причин — грязь, туман, засада. Мне хватает одной странной причины, чтобы выжить. Причины спорить нет.

Ким прикусил язык. Его взгляд остался колючим, но руки занялись ремнями и подсумками. Он искал выход для энергии, пока ему не дали цель.

Дерсу вышел вперёд и поставил на стол свой мешочек. Развязал тесёмку. Пахнуло горькими травами, дымом, чем-то хвойным.

— Жуйте, — сказал он и начал раздавать каждому по маленькому кусочку, сухому, ломкому. — Когда войдём в мёртвое место, рот держите занятым. Слюну не сплёвывать.

Ким взял траву двумя пальцами, покрутил, понюхал и усмехнулся.

— Духи боятся моих зубов?

Дерсу посмотрел на него.

— Духи любят гордость. Она ведёт человека туда, где любой шаг лишний.

Улыбка Кима погасла. Он молча сунул траву в рот и начал жевать. Лицо его перекосило от горечи, но он выдержал.

Лю Чэн положил свой кусочек в карман.

— Не сейчас, — сказал он Дерсу. — Потом.

Дерсу не спорил. Только кивнул и прислушался. Его глаза ушли куда-то сквозь стену, в сторону реки.

Егор взял свой кусочек. Трава обожгла язык, горечь расплзлась по рту, и вместе с ней пришла странная ясность. Он различал каплю воды на столе, нитку на рукаве и слабый скрип лавки, когда Валя перенесла вес на другую ногу.

Петров тем временем раздал компасы. Один положил Егору в ладонь и, не отрываясь от своих дел, спросил:

— С местностью знаком?

Вопрос был простым, ответ мог быть любым. Значение имела не фраза, а его реакция: это была проверка.

— По карте пройду, — сказал он. — Дерсу поведёт, Лю решит.

Петров задержал взгляд на Егоре дольше, чем требовала вежливость.

— Решит, — повторил он. — Ты слушай и запоминай. Там слова быстро кончаются.

Валентина подошла ближе. Она достала из нагрудного кармана маленькую ладанку, завязанную узелком. Ткань была выцветшей, нитка — старой. Валя держала её обеими руками, будто боялась уронить.

— Возьми, — сказала она тихо. — Это от бабушки. Узел держит, когда вокруг всё расползается.

Егор принял ладанку. Тёплая ткань отдавала запах воска и сухих трав. Узел был тугой, сделанный крепкой рукой. Егор не стал спрашивать, что внутри. Вопрос разрушил бы то, что она сейчас дала.

— Спасибо, — произнёс он и спрятал ладанку под гимнастёрку рядом с медальоном-драконом.

Валя внимательно посмотрела ему в лицо, задержалась на глазах, затем отвернулась.

— Дыши спокойней, — сказала она. — Ты выдаёшь себя дыханием.

Слова легли в грудь тяжестью. Егор замедлил дыхание, плечи опустились. Она видела больше, чем говорила, и это тревожило.

Лю Чэн тем временем раскладывал на столе карту и делал отметки. Он говорил кратко, будто рубил пространство на отрезки.

— До лесной кромки идём вместе. Дальше шаг уменьшаем. Никаких костров. Пища — холодная. Если связь отвалится, знак даём по времени. Валя, проверишь частоту ещё раз, когда выйдем из деревни.

— Проверю, — ответила Валя.

Николай Петров подошёл к радио и наклонился к динамику. Пальцем чуть повернул регулятор. В ответ — тишина. Потом прошёл еле слышный щелчок, чужой, не от механики. Кожа на руках стянулась. Медальон-дракон под гимнастёркой нагрелся и отдал короткой болью в ребро.

Петров выпрямился, будто ничего не произошло.

— В зоне звук любит притворяться, — сказал он спокойно. — Слышишь голос — проверяешь глазами. Глазам веришь меньше, чем рукам.

Он сказал это спокойно, почти буднично, и именно поэтому фраза легла тяжело. Петров взял компас, который Лю успел положить обратно на стол, и повернул его так, чтобы игла смотрела на дверь. Игла дрогнула и уткнулась в одно направление, уверенно, без колебаний.

— Запомните, — произнёс Петров. — Если он начнёт крутить кругами, значит рядом узел. Туда шагать будете только по команде.

Лю Чэн поднял глаза.

— Кто вам сказал про узел?

Петров не улыбнулся. Он сложил свёрток обратно и спрятал.

— Те, кто не любят писать отчёты о пропавших группах.

Ответ был прямой, но под ним лежало другое: Петров знал больше, чем положено снабженцу. Он оставлял это знание рядом с ними.

Дерсу вдруг поднял руку. Все замолчали. Он смотрел на щель между брёвнами, откуда тянуло сыростью.

— Земля там больная, — сказал он тихо. — Вода держит чужое. Река помнит.

Ким Дэ Сон перестал жевать.

— Река везде, — пробормотал он.

Дерсу повернулся к нему медленно.

— Эта — особенная.

В тишине треснул динамик радиостанции. Теперь треск был длиннее. Сквозь него прорезался звук, похожий на слово, на отрывок чужой речи. Валя быстро повернула регулятор на ноль. Треск оборвался, как его перерезали.

Лю Чэн посмотрел на Петрова.

— Мы ещё на своей стороне, — сказал он.

Петров надел подсохшую гимнастёрку, застегнул кобуру.

— Значит, узел тянется дальше, чем думали, — ответил он. — И значит, времени у нас меньше.

Егор сжал в ладони компас. Стрелка дрожала, затем замерла. Дрожь вернулась через секунду, уже сильнее. Под гимнастёркой едва натянулась нитка ладанки. Егор посмотрел и увидел в дверном проёме фигуру — худощавую, с аккуратными манжетами. Переводчик стоял в тени, слушал, ничего не говоря. Его взгляд скользнул по лопанью, по радио, по лицу Егора. Потом он тихо прикрыл дверь, оставив им внутри ещё меньше света.

Динамик радиостанции ожил сам.

Сначала — ровный фон, потом резкий провал, затем короткая фраза на китайском, обрубленная в середине. Валентина вздёрнула голову, пальцы замерли над ручкой громкости. Николай Петров приблизился, но не тронул аппарат: смотрел, слушал, считал паузы. Лю Чэн поднял ладонь, удерживая всех в тишине.

Вторая фраза пришла тише. Егор уловил знакомое слово — «переправа». Слова утонули в треске, и снова наступила пустота. Валя медленно повернула регулятор в ноль. Тишина стала плотной, с запахом мокрой бумаги и горьких трав.

— На нашей стороне такие голоса не живут, — сказал Николай и проверил антенну, не глядя на остальных. — Запомните: если связь заговорит сама, значит рядом узел.

Ким Дэ Сон хмыкнул, подкинул на ладони пачку патронов и сунул в подсумок.

— Узел, печать... слова для тех, кто боится стрелять. Самурай понимает пули.

Лю Чэн повернулся к нему. Движение было спокойным, голос тоже.

— Пули заканчиваются. Шум остаётся. Задача держится на тишине.

Ким откинул голову, упрямо глядя в потолок. Его пальцы продолжали считать патроны, будто он разговаривал с металлом, а не с человеком.

— С тишиной умирают быстро. У меня на родине тишина начинается после выстрела.

Лю не повысил тон.

— Тишина начинается до выстрела. Ты сохраняешь её для момента, когда решать будет один шаг.

Николай бросил на Кима короткий взгляд. В этом взгляде было предупреждение без слов: разговор могут услышать и передать дальше.

Дерсу всё это время молчал. Он стоял у двери, смотрел на щель между брёвнами. Лицо оставалось спокойным, дыхание ровным. Его ладонь лежала на ремне ножа, и нож от этого казался частью руки.

Егор переступил с ноги на ногу. Под гимнастёркой жгло там, где лежали медальон-дракон и ладанка Валентины. Тепло было требовательным. Он потянулся к груди и остановил движение.

— Николай... — он обратился к Петрову, но тот уже отошёл к окну. Егор посмотрел на Лю. — Где именно эта зона? На карте много воды.

Лю Чэн разложил карту шире, прижал углы ладонями, чтобы бумагу не скручивало.

— Здесь, — он ткнул ногтем в место, где линия реки раздваивалась, а дальше уходила в петлю. — Переправа. Деревня напротив. Японцы заняли её. Перед деревней в лесу пятно. В пятно входят, из пятна не возвращаются.

Егор наклонился. Место на карте выглядело обычным: линии, условные знаки, подписи.

— А переводчик... тот, кого вытаскиваем... кто он?

Ким Дэ Сон перестал жевать траву. Его взгляд стал прямым и острым.

— Наш человек, — сказал он. — Понимает японский. С ним можно разговаривать.

Лю коротко посмотрел на Кима. Потом ответил Егору:

— Линь Вэй.

В дверном проёме, появился переводчик с чистыми манжетами. Он уже вошёл внутрь, прикрыв дверь. В руках держал папку, мокрую по краям. Лицо оставалось невозмутимым, на губах привычная вежливость.

— Имя распространённое, — произнёс он по-русски и сдвинулся ближе к столу. — В бригаде не один Линь.

Валя задержала дыхание. Дерсу посмотрел из щели в стене на человека у двери и отвёл взгляд — так, будто в глаза смотреть не положено.

Лю Чэн не убрал руку с карты.

— Вопрос к тебе, — сказал он переводчику. — Где был наш Линь Вэй.

Переводчик улыбнулся одними губами.

— Был на задании. Возвращение задержалось. Пропажа не подтверждена.

— Не подтверждена, — повторил Ким Дэ Сон и стукнул пальцами по подсымку. — У нас подтверждение в форме крови на тропе. Два дня назад нашли.

Переводчик чуть наклонил голову, будто слушал неприятную музыку.

— Кровь бывает чужая. Бывает старая. Бывает подложенная.

Слова прозвучали нейтрально, но в них лежало острое лезвие: «подложенная» касалось каждого. Валя сжала ремень на плече, побелели костяшки. Николай Петров у окна продолжал смотреть наружу, но плечи его заметно напряглись.

Холод поднялся. Переводчик говорил уверенно, и эта уверенность требовала платы. Егор посмотрел на Лю.

— Зачем его отправили? — спросил Егор. Голос вышел суше, чем хотелось. — В приказе говорили про документы.

Переводчик приблизился. Он положил папку на край стола, но не раскрыл её.

— Был перебежчик, — сказал он. — Японец. Хотел продать сведения. Документы обещал через посредника у переправы. Линь пошёл брать пакет, но его забрал другой человек.

Ким Дэ Сон хрипло усмехнулся.

— Другой всегда успевает раньше.

Лю резко посмотрел на переводчика.

— Посредник кто.

Переводчик выдержал паузу. Было слышно, как капли били по крыше и в радиостанции едва щёлкнуло реле.

— Имени нет, — ответил он. — Есть отметка. Иероглиф на узле верёвки. У переправы такие узлы понимают.

Валя подняла руку.

— Узлы? — спросила она тихо. — Те самые, что держат... — она замолчала, не договорив.

Переводчик посмотрел на неё внимательно, пристально.

— Ваша бабушка учила правильным словам, — сказал он. — Узел держит путь. Узел держит память. Узел держит человека.

Под гимнастёркой натянулась нитка ладанки. Медальон-дракон отдал жаром в ребро. Егор поймал себя на желании отступить на шаг.

Николай Петров оторвался от окна.

— Хватит загадок, — сказал он. — Говорите зачем пришли.

Переводчик повернул голову к нему, словно оценивал вес слов.

— В донесениях это зовут «Печать Переправы», — произнёс он. — Так удобнее. Удобство заменяет понимание.

— Японцы называют всю систему Белым Регистром, — добавил переводчик. — Номер закрепляет человека, ложная команда ведёт его в сторону, а сухая строка стирает имя из памяти. Печать Переправы — внешний контур этой системы. Вода размывает запись, но только если человек помнит, кто он.

Лю Чэн медленно сложил карту, но ладони не дрожали.

— Удобство заменяет жизнь, — ответил он. — Нам нужно понимание.

Ким Дэ Сон выдохнул резко.

— Понимание придёт, когда увидим японца. Пуля объяснит всё быстро.

Лю повернулся к нему, и в этом повороте было предупреждение, которое больше не пряталось.

— Пуля объяснит твою гибель. Задача держится на том, что они не понимают, почему рушится их печать.

Ким приблизился. Плечи поднялись, глаза потемнели.

— Ты так говоришь, потому что боишься смотреть врагу в лицо.

В избе стало тесно. Валя подняла руку между ними, но не коснулась ни одного: просто обозначила границу.

— Замолкните, — сказала она негромко, но чётко. — Радио слышит всё. Даже когда молчит.

Ким дёрнулся, будто его окатили водой, и отступил на полшага. Лю тоже отступил, возвращая дыхание к ровному ритму.

Дерсу наконец заговорил. Тихо, без нажима.

— Земля стонет там, — произнёс он. — Вода держит чужую тень. Духи реки ушли в глубину.

Переводчик чуть повернул голову к Дерсу, улыбка исчезла.

— Духи — слово удобное, — сказал он. — Оно закрывает страх.

Дерсу выдержал паузу. Он посмотрел на переводчика, потом на Лю, потом на Егора.

— Страх закрывает глаза, — сказал он. — Там глаза нужны открытые.

Егор проглотил горечь травы и почувствовал, что пора задавать последний вопрос — тот, ради которого он держался весь разговор.

— Если Линь Вэй жив... — Егор остановился выбирая слова. — Если он жив, почему связь принесла «переправу» раньше, чем мы вышли?

Переводчик медленно поднял папку со стола, прижал к груди.

— Потому что переправа работает, — сказал он. — Она тянет. Она зовёт. Это слышно тем, у кого в карманах есть узлы и компасы.

Лю Чэн сделал жест, от которого разговор закончился.

— Достаточно. Дальше говорим в лесу. В избе много ушей.

Николай Петров кивнул, подошёл к двери и распахнул её. Внутрь влетел влажный воздух, запах дыма и мокрой травы. Дерсу двинулся первым, будто выход был частью маршрута. Валя подняла радиостанцию, ремни впились ей в плечо. Ким подтянул под сумки и бросил на Лю взгляд, в котором кипела обида, смешанная с готовностью идти.

Егор вышел вслед за ними и на пороге обернулся. Переводчик остался внутри, в полумраке. Он держал папку так, будто в ней лежала чужая судьба. В его глазах не было просьбы и не было приказа. Был расчёт.

Динамик радиостанции, выключенной, щёлкнул. Один короткий щелчок.

Медальон-дракон под гимнастёркой нагрелся до боли, и Егор понял: переправа действительно звала. Оставался один вопрос — кого она звала сильнее: их или того, кто остался в избе.

Шёпот в динамике прорвался сквозь выключенную ручку громкости.

Валя дёрнула ремень на плече, прижала радиостанцию к себе и замерла. Из чёрной решётки шёл жёсткий треск, затем один китайский слог, оборванный до хрипа. Под гимнастёркой вспыхнул жар: медальон-дракон отдал болью в ребро. Ладанка Валентины натянула ткань в одной точке, словно нитку потянули изнутри.

— Тихо, — сказал Лю Чэн и поднял ладонь.

Двор перед штабной избой был пустым. Ночь закрыла плац. Дождь не лил, он висел в воздухе мелкими уколами, лип к ресницам. Где-то за кухней бухнуло ведро, потом всё утонуло в глухом шуршании листвы. Дерсу стоял у калитки, будто его здесь поставили вместе со столбом. Он держал взгляд назад. Он слушал землю.

Николай Петров подошёл к Вале и наклонился к динамику. Не тронул регуляторы, не полез пальцами. Просто поднёс ухо ближе.

— Сама, — сказал он одними губами. — Значит, рядом.

— лагерь, — выдохнул Ким Дэ Сон, и в этом выдохе было раздражение. — Тут свои.

— Свои тоже пропадают, — ответил Петров. Голос оставался спокойным. — Шагать будете по тени, говорить будете глазами.

Лю Чэн кивнул Дерсу. Тот открыл калитку, и группа потянулась следом в тёмную улицу Вятского. Шли цепочкой, с расстоянием в два шага. Егор оказался в середине: впереди — Дерсу и Лю, за спиной — Ким. Валя шла рядом с Николаем. Егор слышал её дыхание.

Лагерь спал, но сон был чутким. Из барака тянуло угольным дымом и мокрой одеждой. На крыльце сторожки темнела фигура часового. Он стоял неподвижно, опираясь на винтовку, и в его неподвижности было напряжение, а не расслабленность. Лю Чэн поднял два пальца, прижал к губам. Цепочка замерла на вдохе.

В окне штаба мелькнул свет и тут же погас. За стеклом стоял переводчик: худощавые плечи, неподвижная голова, белёсая полоска манжеты. Он следил за уходящей группой, будто заранее знал её маршрут.

Ким Дэ Сон тихо процедил:

— Он провожает.

— Пусть смотрит, — ответил Николай беззвучно. — Лишний взгляд тоже метка.

Егор собирался спросить, что Николай называет меткой, но язык не поднялся. Лишние слова заставляли людей прислушиваться и оборачиваться.

Дерсу вывел группу за край деревни. Дома остались за спиной, впереди лежал лес — тёмный, плотный, без просветов. Ветки ели свисали низко, капли били по каскам и пилоткам. Под ногами хлюпала земля, и каждый шаг приходилось ставить в лужу, чтобы не наступать на ветки.

— Темп держим, — сказал Лю Чэн. — Дерсу ведёт. Ким замыкает. Егор, смотри под ноги и по сторонам.

Ким фыркнул, но промолчал.

Через несколько минут лес принял их полностью. Ветви закрыли небо. Дождь стал тише, зато усилился запах сырой коры и болотной воды. Егор заметил, что старается идти на память тела прадеда: ступня сама ищет устойчивое, колено мягче, плечи не цепляют кусты. Это спасало. Собственная привычка ходить по асфальту здесь оборачивалась шумом.

Петров приблизился к Егору, поравнялся на полшага.

— Речной, — произнёс он так тихо, что слово услышало только ухо рядом. — Вопросы держи до остановки. И ещё.

Николай на мгновение сбился с шага, затем выпрямился. На деле он просто изменил шаг, подошёл ближе и опустил руку к ремню Егора. Пальцы коснулись ткани у груди, там, где лежала ладанка.

— Узел у тебя живой, — сказал Николай. — Если он потянет в сторону, скажешь Лю. Сразу.

Егор сглотнул. Откуда Николай знал? Валя говорила про узел осторожно, переводчик говорил про узлы так, будто проверял реакцию. Николай говорил о ладанке как о действующей вещи и не сомневался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.